

Акберен

Эмезек

ДЕТСТВО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Посвящаю это произведение памяти выдающегося казахского писателя Бердибека Сокпакабаева, замечательными книгами которого я с упоением зачитывался в юные годы.

Вместо предисловия

Уважаемый читатель! Книга, которую ты собираешься прочесть, расскажет о моих, ушедших в далекое прошлое, детских годах. Все, что изложено на ее страницах, сущая правда. В ней нет ни лжи, ни фантазии. Я расскажу лишь о том, что мне самому пришлось увидеть, узнать и пережить в моем далеком и таком беспокойном детстве.

Рассказать о той мятежной поре я решился по двум, на мой взгляд, очень важным причинам. Во-первых, хочу, чтобы эту книгу прочитали те мои юные читатели, чье детство сейчас омрачено лишениями и невзгодами, кто, как и я когда-то, остро нуждается в обычных для других детей добре и ласке. Пусть эти не очень счастливые сегодня дети, прочитав мою повесть, поймут, что выпавшие на их долю тяжелые времена обязательно пройдут, и наступит совсем другое время – светлое и радостное! Хочу убедить их в том, что сложности и невзгоды детских лет непременно закалят в них силу духа, сделают их стойкими и упорными, и они обязательно станут счастливыми и успешными хозяевами своей судьбы.

Во-вторых, адресую мою книгу взрослым, взявшим на воспитание сирот. Надеюсь, что, прочитав ее, они поймут особенно острую потребность этих детей в ласке и доброте. Этой книгой я призываю таких людей быть милосерднее и терпимее к своим, лишенным родительского тепла, воспитанникам.

Кроме того, хочу пояснить, что упомянутые в этом произведении герои – реальные люди из моей жизни, многие из которых живут и здравствуют по сей день.

Решив описать свои детские годы, я ни в коей мере не ставил перед собой цель расхвалить одних персонажей повествования и выставить в неприглядном виде других. Моя задача заключалась лишь в правдивом изложении пережитых и на всю жизнь запечатленных детской душой событий в надежде найти понимание и отклик у тех, кто заинтересуется этой книгой.

Тем не менее, заранее хочу извиниться перед всеми родными, близкими и друзьями моих героев, родственные и дружеские чувства которых будут мной ненароком задеты, и прошу великодушно простить меня за это!

Итак, приглашаю тебя, мой дорогой читатель, совершить вместе со мной путешествие в те далекие времена, на которые выпало мое босоное детство.

Часть первая

ВИХРАСТЫЙ КРЕПЫШ ИЗ УРДЖАРА

Прошло совсем немного времени с того дня, как умер мой отец, и мы, трое его детей, переехали вместе с матерью из Алма-Аты в Урджар. С собой у нас было лишь два-три чемодана с вещами, которые мы погрузили в междугородний автобус, и отправились на нем к родственникам по материнской линии. Я был младшим из детей, после старшей сестры Маржан и брата Данышпана.

К моему великому сожалению, те горькие и тяжкие дни не оставили в моей душе никакого следа, ведь мне в ту пору едва минуло четыре года. Я не помню ни лица своего отца, ни особенностей его характера, ничего из нашего с ним общения. Хотя нет, один крохотный, но яркий момент все же врезался в детскую память. По-видимому, это было в ауле, где однажды отец, подхватив меня на руки, посадил на лошадь. До сих пор помню его сильные руки, стремительно вознесшие меня к самому небу, и застрявшее в горле от фантастического взлета дыхание! Все. Это один-единственный эпизод, одна тончайшая ниточка, протянувшаяся между мной и отцом сквозь всю мою жизнь... Вместе с его уходом из моей памяти безвозвратно ушли либо подернулись непроницаемой дымкой все ощущения и картинки беззаботного счастливого детства. Как ни вороши, в какие самые ее дальние уголки ни заглядывай, ничего больше не отыскать.

* * *

Итак, мы перебрались в Урджар. Но перед этим заехали в Шубартау, где многочисленные родичи устроили прощальный ас по нашему отцу, безвременно покинувшему этот мир.

Позднее мой дядя Аскар (мир праху его!) рассказывал, что в день похорон отца он повез меня и Данышпана на кладбище. Там, по его словам, я шалил, вертелся и, ударившись в какой-то момент головой о дверцу машины, громко заревел. Дядя безуспешно пытался меня успокоить, я продолжал голосить, однако вскоре притих, пристально посмотрел на свежий могильный холмик и неожиданно крикнул: «Эй, люди, зачем вы закопали моего отца?!» Собравшиеся растерянно посмотрели на меня и отвели в сторону взгляды, не зная, что ответить. «В этот момент, – рассказывал дядя, – твое лицо вдруг словно окаменело, глаза в один миг высохли, от слез не осталось и следа. Ты стоял молча с поджатыми губами, словно вдруг понял, что произошло непоправимое». Об этом эпизоде дядя мне рассказал, когда я уже был подростком. Кто знает, может быть, в тот трагический для нашей семьи день я – четырехлетний малыш каким-то неведомым образом, не умом, но чуткостью детской души действительно понял, что навсегда потерял самое дорогое в своей жизни – родного отца.

После семидневных поминок по отцу мы продолжили свой путь и приехали к родственникам матери в поселок Урджар – райцентр одноименного района в те годы Семипалатинской области. Урджар – прекрасный, богатый на природные красоты край с морозной трескучей зимой, чудесной ласковой весной, солнечным, щедрым на тепло летом и осенним фруктово-ягодным изобилием. Если кто не бывал там, приезжайте – не пожалеете!

Эта земля – родина найманов и кереев. С восточной стороны регион окаймляет горная цепь Тарбагатай, вершины которого придают окрестностям Урджара особенную торжественность и величавость. Благословенный плодородный край, вобравший в себя столько красот и чудес, словно создан Всевышним для счастливой и благополучной жизни каждого поселившегося здесь человека! Вот на этой чудесной земле и должна была продолжиться жизнь нашей семьи.

Отец матери – мой ата – уже давно покинул этот мир, но дом, где он жил и в котором мы поселились, все по-прежнему называли «Улкен уй» – «Главный дом», потому что в нем продолжала жить наша аже. Вместе с ней проживали три брата и младшая сестра матери. Все мои дяди – нагаши – в ту пору один за другим обзавелись собственными семьями, на выданье была и подростовая сестра. Сам дом представлял собой небольшое старое жилище с центральным входом и вереницей из трех комнат, переходящих одна в другую. Перед домом простирался большой двор, часть которого занимал огород, засаженный картошкой, морковкой и прочими привычными для всех овощами. Неподалеку от приземистого забора у края огорода серебристо поблескивала речка, на противоположном берегу которой раскинулась небольшая роща. Вот в эту тихо-мирно поживавшую и занимавшуюся каждодневным сельским трудом семью неожиданно-негаданно влилась и наша семья из четырех человек.

Начало жизни на новом месте тоже не отложилось в моей памяти. Но хорошо помню, как меня, уже четырехлетнего, окружающие часто называли «фантазером». А «заслужил» я эту кличку потому, что часто собирал вокруг себя аулчан и увлеченно рассказывал им разные придуманные истории из «собственной жизни».

К примеру, я мог, что называется, «на голубом глазу», увлеченно и в подробностях рассказать собравшимся о своем участии в космических экспедициях. Или не менее подробно о личных встречах с Главой Советского Союза Михаилом Горбачевым. Рассказывал даже про то, как однажды повстречался в роще за рекой с мировым злодеем Гитлером (про которого узнал из фильмов).

Как ни странно, слушатели с удовольствием внимали моим бесконечным байкам. И если я останавливался и делал усталый вид, то мне тут же начинали совать в руки принесенные гостинцы – конфеты и печенье, чтобы я продолжил рассказ. Я с удовольствием съедал свой «гонорар», после которого, конечно, очень хотелось пить. Тогда я начинал оглядываться по сторонам как бы в поисках воды, многозначительно поглаживая при этом горло. Аудитория намеком улавливала, и кто-нибудь тут же услужливо приносил мне бутылочку «Гархуна» (который тогда стоил чуть дороже лимонада). Неспешно утолив жажду, я великодушно приступал к продолжению историй из «личного опыта».

Одной из таких историй была моя зимняя встреча со снежным человеком, разговоры о котором долетали до моих ушей от более сведущих взрослых, и я был очень впечатлен свидетельствами «очевидцев» о таинственном существе,

обитавшем в глухих непроходимых ущельях Тарбагатая. Дополнить имевшуюся информацию захватывающими деталями и преподнести жаждущим еще одну невероятную историю было, разумеется, только делом фантазии.

Слушать меня приходил и стар и млад. Но когда я начинал рассказывать про йети, к моим слушателям присоединялся даже самый известный в нашем ауле седобородый рассказчик. С интересом внимая моим «воспоминаниям», он время от времени цокал языком и удивленно покачивал убуленной сединой головой. Раскрыв рты, про загадочное существо слушали и табунщики, каждый день выгонявшие лошадей на горные пастбища, и охотники, бороздившие верхом на конях горные ущелья в поисках дичи и зверья. Бывало, они специально зазывали меня к себе в свободное от забот время и просили повторить рассказ про «это чудище». Меня, признаюсь, забавляло, как взрослые люди, называвшие меня фантазером, в эти минуты становились похожими на маленьких наивных детей и, сами того не замечая, начинали верить моим рассказам! Где вы сейчас, мои дорогие, доверчивые соплеменники?

Честно «отработав» представление, я возвращался домой с оттопыренными от надаренных сладостей карманами штанов, вполне довольный собою и очередным зрительским успехом.

Вспоминаю и свои байки про мороженое. Да-да, не удивляйтесь, именно про мороженое, которое все любят и которым сейчас не удивишь ни одного ребенка. Тебе, мой юный читатель, наверное, трудно поверить, но в те годы самое обычное мороженое было в наших краях большой редкостью. Сказки про него я сочинял, на зависть многим писателям-фантастам, так же легко и быстро, как и другие, однако в этом случае мне приходилось прикладывать немного больше усилий и сильнее напрягать свою фантазию, чтобы заслужить от своих слушателей столь ценный гостинец. Одна из моих фантазий на эту тему заключалась в том, что мороженое к нам якобы посылали инопланетяне с далеких планет. Что это лакомство каждый раз появлялось в Урджаре только тогда, когда на краю аульного аэродрома приземлялся их космический корабль, похожий на большую тарелку. Для пушей интриги я добавлял, что прилетавшие к нам инопланетяне – бывшие наши земляки, казахи, которые жили много лет назад на этих же землях. Уверенный голос и гладкая речь делали свое дело, и я радовался, замечая, как удивление в глазах моих слушателей постепенно менялось на доверчивую задумчивость.

– К какому же роду-племени относятся эти твои «тарелочники»? – бывало, спрашивал меня, хитро прищуриваясь и опираясь на потертый костыль какой-нибудь аксакал.

– Конечно, к найманам, к кому же еще! – не задумываясь, отвечал я.

– Да ладно врать-то!

– Я не вру, они мне сами так сказали, когда я спросил.

– А чего им не живется тут, на своей земле, какого лешего шляться где попало? – сердито бурчал старик.

– А вы, ата, не найман, что ли? – невинно спрашивал я.

– Почему не найман? Найман! А что?

– Думаю, вы тоже сюда попали с другой планеты!

– С чего ты взял? – удивлялся аксакал.

– Да они ведь спрашивали про вас, интересовались, мол, где тут живет аксакал

Шунирей, как у него дела?

– Эххехе! – смеялся довольный шуткой старик. – Ишь, проказник, что удумал, ну надо же такое сочинить!

Посмеиваясь, он вытаскивал из кармана широких штанов несколько шариков курта и с улыбкой протягивал их мне: «Вот, бабка моя засушила, бери, угощайся!»

– Так про меня, говоришь, спрашивали?

– Про вас!

– Найманы, говоришь?

– Найманы! На вас похожие! – продолжал подыгрывать я ему.

– Ох и выдумщик же ты, хитрый щенок! – говорил напоследок аксакал и, улыбаясь и покачивая головой, уходил по своим делам.

Вот и выходит, что каждый из подаренных мне пряников, каждая печенюшка, конфета или мороженое честно зарабатывались мной в поте лица, ничего мне не падало с неба просто так! Готовясь к очередной «творческой» встрече, я сосредоточенно обдумывал сюжет будущего рассказа, находил какую-нибудь интересную тему и «накручивал» на нее множество разных увлекательных деталей. Читать и писать я еще не умел, поэтому оставалось надеяться только на свою голову. А она у меня работала и фантазировала до самой ночи, пока я не засыпал. Каждый раз мне надо было придумывать новые увлекательные небылицы, чтобы не повторяться и не утомлять собравшуюся публику. Я как мог старался, чтобы придуманные мной истории выглядели правдоподобно, чтобы все в них было взаимосвязано и логично. В своих байках я додумывал и приукрашивал то, что узнавал от взрослых и слышал по радио. И это, надо сказать, была настоящая творческая работа.

* * *

Как правило, половину полученного «гонорара» я неизменно приносил своему большому брату Данышпану, который, в свою очередь, дарил мне нарисованные им рисунки. Разница в возрасте между нами составляла два года. Родственники помнят Данышпана добродушным и словоохотливым человеком, который, несмотря на юные годы, умел рассуждать как взрослый человек. Будучи от рождения инвалидом, брат в основном целыми днями сидел и рисовал. Нередко я заставлял его хмурым и задумчивым и старался не беспокоить в такие минуты. Мне нравились его рисунки, они были разными и интересными. Помню, однажды он подарил мне листок с нарисованным цветком, внизу которого было подписано: «Моему братишке Акберену от Данышпана». Прочитал я эту подпись позже, когда научился читать. Из-за скрутившего его недуга брат, конечно же, не мог посещать ни детсад, ни школу, но обучился грамоте самостоятельно по букварю и прочим школьным учебникам. Цветок на рисунке получился красивым, похожим на настоящий, и я помню, как он долго висел на стене над моей кроватью, куда я его прикрепил.

Иногда, видя, как влетающий в открытое окно ветерок шевелил листок с рисунком, я показывал на него и говорил: «Смотри, Данышпан, твой цветок, как живой, колышется на ветру!» и брат, глядя на «оживший» цветок, весело смеялся... Не помню, как и когда, но мной тот рисунок безвозвратно утерян, и каждый раз, вспоминая об этом, я казню себя за допущенную небрежность.

Рассказывая о драматической судьбе брата, считаю своим долгом пояснить, что его инвалидность явилась прямым следствием ядерных испытаний, которые проводились в те годы советским руководством (будь оно трижды проклято!) на Семипалатинском полигоне. Мой отец родился, вырос и жил всегда в Шубартау,

по соседству с полигоном. Не сомневаюсь, что причиной его ранней смерти также стали ядерные взрывы на нашей многострадальной земле. Помню, как наш ата (о нем я расскажу позже), вспоминая о первых испытаниях, суть которых жителям региона никто не объяснял, говорил: «Мы были детьми и время от времени видели, как вдалеке, в стороне Шынгыстау, к небу поднималось огромное серое облако в форме гигантского гриба. Чтобы лучше разглядеть его, мы торопливо взбирались на крыши сараев и оттуда, открытые со всех сторон и обдуваемые степным ветерком, наблюдали за происходящим. Появление устрашающего облачного чудовища, изрыгавшего по всей степи, словно разъяренный дракон, огонь и пепел, тут же сопровождалось сильным подземным толчком, который валил нас с ног. Скатившись на землю, мы весело смеялись, довольные необычным аттракционом. Прошло время, и мы сполна хлебнули горя, которое принес нам этот бесчеловечный “аттракцион”...»

Я хорошо помню, что каждый раз с началом лета лицо нашего ата начинало сильно краснеть и покрываться темными пятнами. Губы распухали, глаза заплывали и почти закрывались отеками веками, делая лицо неузнаваемым и страшным. Таким обезображенным ата оставался до осени, и только с наступлением холодов отеки и покраснение постепенно проходили, принося пожилому человеку долгожданное облегчение. Я читал, что страшные последствия ядерных взрывов могут проявляться у людей в их последующих поколениях. Так произошло и в нашей семье. Беда обошла меня и сестру, но не пощадила нашего брата. Позднее нам стало известно, что отец в свое время хотел повезти Данышпана на лечение в Москву. Но не успел осуществить свое намерение... Для этого он записывался в очередь на квоту, ходил по разным инстанциям, собирал нужные документы и справки. Волокиты было много, а жизни у него на это не хватило. Возможно, главной целью преступной бесчеловечной политики того времени было изучение влияния радиации на человека, а пострадавших и родившихся с аномалиями детей никто не собирался лечить, рассматривая их только в качестве объектов научных исследований? Ответа на этот вопрос я не знаю, но вероятность такую исключить не могу. Определенную заботу государство по отношению к отцу проявляло, отправляя раз в год в санаторий, где у него брали разные анализы и проводили какие-то обследования. После его смерти обивать пороги чиновников ради Данышпана стало некому. Мать осталась с тремя малолетками на руках и вынуждена была в поисках поддержки перебираться к своей родне. Ей надо было думать о том, чтобы прокормить своих детей и дать им хотя бы самое необходимое.

* * *

Мы с Данышпаном были большими друзьями. Однажды жарким летним днем мы вместе с ним пошли купаться на речку за нашим двором. Тот день так крепко врезался в мою память, что я его не забуду никогда. Несмотря на близость реки к нашему дому, никто никогда не предостерегал нас от опасности утонуть и не учил плавать. Мы не знали, что на глубине не умеющий плавать человек идет на дно, захлебывается и тонет. Это был наш первый поход к реке, и, совсем не умея плавать, я, тем не менее, разбежался и первым прыгнул в воду. Прыгнул... и не ощутил под ногами дна! Ужас и паника охватили меня, я стал отчаянно барахтаться, но опоры под ногами по-прежнему не было. Я то уходил под воду, то на миг

выныривал, хватал ртом воздух и снова погружался с головой в холодный поток. Данышпан, сообразив, что мои дела плохи, стал кричать и звать на помощь.

Барахтаясь и не имея возможности даже пикнуть, я видел, как испуганно и беспомощно мечется по берегу мой брат. И вдруг он прямо в одежде пошел к воде и смело шагнул в реку. Сделав пару осторожных шагов, он протянул мне руку, и я, уже теряя силы, сумел все-таки дотянуться и судорожно ухватиться за нее. Крепко держась за руки, мы оба, наконец, благополучно выбрались из реки. Я был спасен! Едва ступив на землю и плохо соображая, что произошло, я без сил рухнул, извергая изо рта потоки воды.

В тот день мой брат в первый и последний раз в жизни отругал меня. В нашей семье мне чаще всего доставалось от моей аже, которая за какую-нибудь шалость обычно грозила мне пальцем: «Вот получишь сейчас от меня, все кишки тебе выпущу!» Эту ее безобидную угрозу приходилось слышать и Данышпану. И в драматическую для нас обоих минуту он, не на шутку напуганный, сердито закричал на меня: «Зачем надо было прыгать в воду, на берегу, что ли, нет места?! Столько воды наглотался, что кишки сейчас вылезут наружу! Посмотри на свой живот!» Я взглянул на свой вздувшийся живот и от страха завопил что было мочи. Видя, что слишком сильно напугал меня, Данышпан тут же подошел ко мне и молча обнял, крепко прижав к себе. Такой невероятно трогательный момент лучше всего говорит о том, что нет ничего на свете дороже и надежней тепла родной души. Уткнувшись носом в грудь Данышпана, я все еще всхлипывал и утирал слезы, а он, не разжимая крепких объятий, утешал меня и говорил нужные слова. Мы еще долго сидели на берегу, мне было спокойно и хорошо рядом со старшим братом, а ведь было ему тогда всего лишь семь лет!

Потеря отца легла большой тяжестью на наши детские души, мы страдали каждый сам по себе, но случай на реке заставил в унисон биться наши сердца и очень сблизил нас.

* * *

Как я уже говорил, Данышпан почти не выходил из дома. Большую часть времени он занимался рисованием, читал книги. Иногда сидел у телевизора и с удовольствием смотрел художественные фильмы, которые детям обычно были неинтересны. Зато мультфильмы его внимание совсем не привлекали, во всяком случае, я не замечал, чтобы он их когда-либо смотрел. Родственники любили его за добрый нрав, учтивость и спокойный, рассудительный характер. Помню, как он часто терпеливо сидел вместе с ними за дастарханом, неспешно потягивал чай и внимательно слушал долгие разговоры взрослых о своем житье-бытье. Что касается нас, сопливых сорванцов, то мы уже с утра исчезали из дома и появлялись к обеду чумазые и вспотевшие только для того, чтобы намазать второпях ломоть хлеба маслом, посыпать его сверху сахарным песком, а потом с хлебом в руках, как ошпаренные, вновь бежать к поджидавшим на улице друзьям.

Да и что может быть лучше для здорового непоседы, чем уличные забавы? Но нездоровье моего брата вынуждало его вести иной образ жизни. В силу своего малого возраста я не осознавал в полной мере ущербность существования Данышпана. Детство влекло меня к ровесникам, с которыми я проводил на улице дни напролет, возвращаясь домой уже вечером, пыльным, уставшим, засыпающим на ходу. Мы, аульные дети, любили тогда попинать мяч, погоняться друг за дру-

гом, устроить в ближайшей рощице поиски Робин Гуда, поласкать какого-нибудь щенка, найти большой муравейник и понаблюдать за суетливой жизнью муравьев. Да мало ли могут придумать себе забав любознательные и неугомонные дети? И разве мог я тогда думать о том, что мне стоило чаще быть с братом, больше уделить ему внимания и любви, послушать его истории, рассказать о том, что делал сам. Как я мог знать, что спустя совсем немного времени вслед за отцом и Данышпан покинет этот мир?

* * *

До сих пор хорошо помню те холодные осенние дни. Был пасмурный, промозглый конец октября. В наших краях осень наступала довольно рано, отнимая у лета последнюю возможность приласкать землю уходящим теплом. Но и ее раньше срока начинала теснить преждевременная зима, посылая с неба мокрый снег и пронизывающий насквозь холод. В один из таких сырых дней того сумрачного октября Данышпан навсегда ушел от нас, и я неожиданно лишился своего любимого старшего брата.

Мы с Данышпаном занимали одну крохотную комнату и спали вдвоем на одной небольшой раскладной кровати. Как-то ночью брат, чувствовавший себя в последнее время совсем плохо, разбудил меня и слабым голосом попросил принести ему воды. Едва разлепив глаза, полусонный, я послушно пошел и принес ему ковшик воды. Едва прикоснувшись к ней губами, Данышпан вернул мне ковш обратно, сказав, что вода слишком теплая и он хочет похолоднее. Я принес ему другой воды, но она показалась ему тоже недостаточно холодной. «Сходи, набери из колодца!» – сказал брат. Но мне было лень идти к колодцу. «Иди сам и набери сколько хочешь!» – буркнул я недовольно, лег в постель и тут же провалился в глубокий сон. Только спустя много времени я понял, что Данышпан, предчувствуя свой уход, отсылал меня от себя, чтобы я не видел его мучений...

Глубокой ночью кто-то поднял меня с кровати и перенес в другую комнату. Утром я проснулся от чьих-то голосов и непонятной суеты в доме. Выйдя во двор, я увидел столпившихся людей, в доме кто-то плакал, слышался чей-то утешающий голос. Я смотрел на все это и ничего не понимал, не понимая и того, почему меня перенесли из моей комнаты.

Обычно по утрам мы с братом отправлялись на берег реки пасти наших гусей. Решив, что происходящее не имеет ко мне никакого отношения, я отправился в свою комнату будить Данышпана. В комнате я с удивлением увидел, что нашу кровать убрали и вместо нее поставили какую-то другую. На этой незнакомой мне кровати лежал кто-то, накрытый белой простыней. Я приоткрыл ее край и увидел Данышпана! Еще ничего не понимая, я начал трясти его за плечо и будить: «Дакай, вставай, просыпайся, пора гусей пасти!» Но брат оставался неподвижным и не открывал плотно сомкнутых век. Я не понимал тогда, что эти родные глаза никогда уже не обратят на меня свой ласковый и добрый взгляд.

Я выскочил во двор. Безрадостные лица столпившихся аулчан, чей-то плач и причитания начинали тревожить меня. Моя мать тоже была в слезах, и я, подойдя к ней, негромко, но капризно сказал: «Дакай не встает, а я не пойду один пасти гусей!» Мать прижала меня к себе. «Дакай уснул крепко и теперь уже никогда не проснется...» – сквозь слезы сказала она мне. Смысл ее горестных слов не сразу дошел до моего детского сознания. Но в следующую минуту мне стало понятно,

что мой брат умер. О том, что люди иногда умирают, я, конечно, знал, но лицом к лицу со смертью воочию столкнулся тогда впервые в жизни. Оторвавшись от матери, я уныло побрел в угол двора и там горько заплакал. В голове у меня одна за другой мелькали разные детские мысли: «Кто теперь будет дарить мне рисунки? Кто меня защитит от обидчиков? Как мне теперь жить без своего брата?».

Это первая острая горестная утрата родного и любимого человека навсегда оставила в моей душе незаживающую рану.

СЫН ВСЕВЫШНЕГО

Прошло около года, и наша мать решила выйти замуж. Признаюсь, меня это известие и озадачило, и расстроило. Помню, как однажды бабушка, подзывая меня к себе, сообщила, что мать уходит жить в дом к одному хорошему человеку, который станет нам отцом.

Но бабушка ошиблась. Отца нам «хороший человек» так и не заменил. Избранником матери оказался долговязый, дочерна прокопченный степным зноем табунщик, который до своих пятидесяти лет только и знал, что выпасал в предгорьях чужих лошадей. Долгие годы он провел в этом одиноком занятии, не зная людского общения, превратившись со временем в нелюдимого и жестокосердного дикаря-отшельника. Я долго не мог понять, почему моя мать решилась связать свою жизнь с этим ужасным человеком. Хорошо помню, что в качестве калыма за «невесту» в наш двор пригнали черную кобылу, которую я сразу возненавидел всей своей детской душой. Часто, когда во дворе никого не было, я со злостью бросал издали в бедное животное камнями, будто мстил за то, что его собирались обменять на мою мать...

«Обмен» все же состоялся, и вскоре мать покинула наш дом. В день так называемой свадьбы все ушли на той, заперев меня одного дома. Не знаю почему – от страха ли перед ночным одиночеством, от обиды ли, что взрослые не взяли меня с собой, или от пугающей разлуки с матерью, но я очень долго плакал, то отчаянно вопя во весь голос, то негромко, уткнувшись в подушку, пока окончательно не провалился в тяжелый и тревожный сон. Наутро, когда я проснулся, ко мне подседа Маржан, угостила принесенными с тоя баурсаками, и пока я их угрюмо жевал, гладила меня по голове и, успокаивая, говорила, что дом, в котором теперь будет жить мать – большой и просторный, что наш новый отец богат, и все мы теперь проживем лучше, чем прежде. Однако, рассказывая о грядущих радостях жизни, она почему-то и сама вдруг горько расплакалась. Едва не подавившись очередным баурсаком, я тоже заплакал, и мы, плача и размазывая ладонями бегущие по щекам слезы, долго еще сидели рядом друг с другом в гнетущем молчании, погруженные каждый в собственные горестные думы...

С того безрадостного дня, когда наша мать покинула отчий кров, дни уныло потянулись один за другим, неделя сменялась неделей, в доме стало пусто и пугающе тихо. Поначалу мать время от времени навещала нас, но потом стала приходить все реже и реже. «Наверное, это злобный муж не пускает ее к нам!» – думал я про себя.

В ту пору мне минуло пять лет. Пытаясь отвлечься от невеселых мыслей и тоски по матери и брату, я целыми днями болтался на улице, придумывая все новые забавы. Время от времени я успокаивал себя тем, что, став взрослее, смогу вызволить

мать из домашнего плена, в который ее заточил жестокий, бесчувственный муж. Для этих целей я нашел подходящий деревянный кусок, обстругал его ножом и превратил в нечто, похожее на кинжал. Этого мне показалось недостаточно, и я сделал еще лук с тетивой из резинки и к нему несколько стрел. Кроме того, я решил, что для будущей борьбы за освобождение матери мне надо тренироваться, и поэтому стал каждый вечер усиленно бегать по нашей небольшой улице из одного конца в другой.

Окружающий мир казался прежним: те же люди – знакомые, соседи, та же ребятня. Но отношение взрослых ко мне заметно изменилось. Прежние слушатели моих нескончаемых баек вдруг стали угощать меня сладостями просто так, не требуя взамен никаких рассказов. При встрече многие из них совали мне в руку кусочки курта, печенье или леденцы, ласково гладили по голове и, тяжело вздохнув, шли своей дорогой. Бывало, я бежал следом и предлагал рассказать очередную интересную историю, но взрослые, ссылаясь на свою занятость, обещали послушать меня в следующий раз. Откуда мне было знать, что их сердобольность была проявлением простого человеческого сочувствия к детям, оставшимся сиротами при живой матери? Ничего не понимая, я после нескольких дармовых гостинцев разозлился и впредь стал категорически отказываться от них. В итоге это привело к тому, что я окончательно разлюбил сладкое и с тех пор вообще не беру его в рот. По сей день.

* * *

Однако, как бы я ни старался себя развлечь, тоска по умершему брату и покинувшей дом матери беспросветно омрачала мою жизнь, превратившуюся в унылую череду серых безрадостных дней. Все меньше и меньше меня увлекали игры и забавы с друзьями. Казалось, время остановилось, и даже времена года мало чем стали отличаться одно от другого – лето было похоже на осень, осень – на зиму.

Порой мне очень хотелось броситься к какому-нибудь прохожему и крепко обнять его, но в то же время было острое желание, чтобы и меня тоже кто-то обнял. Видя, как братья матери нежничают со своими детьми, я старался держаться поблизости в надежде, что и мне достанется их ласковое слово. А ведь совсем недавно я и сам был маленьким любимцем у своих родителей, был облаканным мальшом, окруженным их заботой и вниманием, видевшим в них своих надежных защитников. Но кто теперь мог сказать, куда повернет жизнь подросткового мальчугана с печальным лицом и робким, испуганным взглядом?

Однако с судьбой не поспоришь, и такие резкие, драматические перемены в жизни человека неизбежно оставляют свой след на всей его дальнейшей жизни. В те тяжелые мрачные времена я чувствовал себя так, словно чья-то безжалостная рука схватила меня и вышвырнула из теплого уютного дома на морозную улицу. Я был охвачен острым, щемящим чувством одиночества и незащитности, которое не отпускало и все сильнее давило на меня, лишая радостного и беззаботного детства. Несправедливость, обрушившаяся на меня, сбивала с толку, я не понимал, что мне нужно было делать в новых обстоятельствах жизни. В моей несмышленной голове все время возникал один и тот же вопрос, на который я не находил ответа: «Почему все стало так плохо и что со мной теперь будет?» Со временем я понял, что смятение, тоска и печаль детской неокрепшей души по-

ложили тогда начало формированию меня сегодняшнего, уже вполне взрослого человека. В те далекие безрадостные дни я начал учиться принимать жизнь такой, какой она была, привыкая мириться с ее тяготами, преодолевать невзгоды и находить в ней при этом светлые и счастливые моменты.

* * *

В тот же год, когда мать ушла из нашего дома, Маржан поступила в училище и уехала на учебу в Талдыкорган. Долгое время от нее не было никаких вестей. И я испытывал такое гнетущее одиночество, которое трудно передать словами. Я был очень впечатлительным, чувствительным и мечтательным ребенком с большим воображением, что отличало меня от моих аульных сверстников. Наверное, именно поэтому около меня всегда собирался и стар и млад, чтобы послушать забавные, придуманные мной истории, которые сыпались из меня словно горох. Эта особенность восприятия окружающего мира была присуща мне в самом раннем возрасте и не покидала меня, когда я подросток. И тогда, в шесть с лишним лет, я продолжал фантазировать, выстраивая в мечтах свой особенный мир, который был мне по душе и в котором все хорошее было возможно.

В эти одинокие и бесконечно долгие дни усилилась моя тоска и по ушедшему в вечность отцу. Совсем не помня его, я, тем не менее, стал часто думать о нем, представляя себе его лицо и повадки, мысленно обращаясь к нему с вопросами, делился мучившей меня душевной смутой. Наступало утро, приходил новый день, но все меньше в моей жизни становилось света, все меньше было в ней тепла. И если днем я все же придумывал какие-то заботы и развлечения, то с наступлением вечера просто не находил себе места, не зная, куда себя деть от одолевавшей и разрывающей душу тоски. Наскоро поужинав, я торопился в постель, но очень долго лежал без сна, обуреваемый множеством хаотичных мыслей, нескончаемым роем крутившихся в моей голове. И опять мой мозг неотвязчиво сверлил все тот же вопрос: «Почему все стало так плохо, и что со мной теперь будет?» Думаю, что я именно тогда почувствовал, как быстро стал взрослеть, не телом, но сознанием. Разговоры сверстников теперь казались мне детской болтовней, неинтересной и скучной, да и привычные уличные игры тоже уже не привлекали меня как прежде. Однако происходившие во мне перемены лишь еще больше усиливали ощущение своей брошенности и незащитности.

Но что я, шестилетний, мог тогда изменить? Обстоятельства были сильнее меня, и мне оставалось только подчиниться им и жить новой, непривычной для меня жизнью. Как известно, человек ко всему привыкает, даже к плохому. Счастливое событие, как правило, быстро становится обычным, а жизненные тяготы имеют свойство быть долгими. Так и мое детство стало похожим на затянувшуюся тяжелую болезнь, которая никак не проходила и не поддавалась лечению.

Время от времени я подбегал к царапине на дверном косяке сарая, чтобы посмотреть, насколько подросток, однако каждый раз расстраивался, видя, что мой рост остается на уровне старой отметины. Чтобы поскорее вырасти, я стал часто висеть на турнике, ел каждый день морковку, однако мой рост упрямо оставался прежним. Я просто физически ощущал несоответствие своего внешнего вида шестилетнего ребенка и внутреннего мира, свойственного более взрослому человеку.

Раздираемый этим противоречием, я мечтал поскорее вырасти, чтобы навсегда уехать из опостылевшего дома и подальше от этого аула и его обитателей. Не-

смотря на то, что я родился в Алма-Ате, мы в те времена даже не помышляли о жизни в городе. Самой большой мечтой было, подобно взрослым людям, выбрать новое место и зажечь своей жизнью среди новых людей.

Однако до осуществления этой мечты было еще очень далеко. И я, конечно, не мог знать, сколько еще хорошего и плохого ждало меня впереди, и сколько испытаний мне еще предстояло пройти на этом пути.

Но не во всем моя жизнь была серой и безрадостной. К счастью, рядом был родной человек, даривший мне свою любовь и душевное тепло. Этим человеком была моя аже, мать моей матери. Она очень любила меня и всячески заботилась обо мне. И если мне удавалось мысленно представить себе образ своего отца, то благодаря именно ей. Часто, когда мы были дома вдвоем, я с интересом слушал ее рассказы о зяте, к которому она относилась как к родному сыну. В молодости аже работала на заводе, ей по неосторожности на каком-то станке отрезало пальцы на правой руке. Несмотря на это, она бралась за любую домашнюю работу, делала многое по дому и хозяйству. Я отчетливо помню, как она часто сидела и чистила картошку, негромко напевая какую-нибудь грустную песню.

В какой-то момент аже вдруг стала называть меня «Сыном Всевышнего». Бывало, в шалостях я мог натворить что-нибудь или, находясь в расстроенных чувствах из-за отъезда матери, заупрямиться и послушаться ее братьев, и если они сердились и ругали меня, аже тут же вступалась за внука: «Эй, не трогайте его, он же сын Аллаха!» Подобное повторялось не раз и запомнилось на долгие годы. Порой, когда к бабушке заходили на чай соседки, она, глядя на меня, приговаривала: «Лишь бы был жив-здоров, ведь теперь он Сын Аллаха!» Я задумался: «Почему она меня так называет? Почему я теперь Сын Аллаха?» Улучив момент, я спросил:

– Аже, разве мой отец Аллах?

– С чего ты взял, озорник этакий? Если бы твой отец был Аллахом, он бы не умер!

– Но ты ведь все время называешь меня его сыном?

– Нет, твой отец не Аллах.

– Значит моя мама – Аллах?

– Скажешь тоже! Разве была бы у нее такая тяжелая судьба, будь она Аллахом? – ответила, тяжело вздохнув, бабушка.

– А кто же тогда Аллах?

– Видишь солнце на небе? А деревья вокруг, горы и реку? Все это – и нас с тобой, и весь наш мир создал всемогущий и всемилостивый Аллах!

– А где же он, где он живет?

– Он живет очень далеко от нас, вон там! – указала обрубком своих пальцев в небо бабушка.

– А почему он к нам не спускается оттуда?

– Если он спустится, то земля не выдержит его, такой он большой.

– Да? – изумился я, открыв от удивления рот.

– Да, он огромен и велик!

Я задумался и потом тихо спросил:

– Значит, я его сын?

– Да, мое солнышко, теперь ты его сын! Ну, иди, играй на улице, только не ушибись!

«Как интересно, – подумал я, выбегая из дома, – выходит, я – Сын Аллаха! И никто об этом еще не знает! Вот скажу об этом Татаркову Женьке, небось лопнет от зависти! А еще приятелю своему – чумазому сыну тракториста Жакена расскажу, пусть знает! Вот здорово! И пусть теперь кто-нибудь только попробует назвать меня безотцовщиной!»

Оказавшись на улице, я оглянулся по сторонам и увидел сына Жакена, который сидел у муравейника и стравливал между собой муравьев. Подойдя к нему с важным видом, я окликнул его:

– Эй, Чумазый!

– Что ты сказал?! – тут же вскочил на ноги мой дружок. – Кто тут Чумазый?! Вот как врежу сейчас!

– Подожди кулаками махать, а то пожалеешь! Знаешь, чей я сын?

– Ну, знаю, и что из этого? Сын мамыши, которая выскочила замуж и свалила из дома! Или твой отец воскрес и вернулся домой?

– Значит, ты еще не знаешь! Так теперь знай, что я – Сын Аллаха!

– Что? Чей ты сын, Аллаха? Ха-ха-ха, насмешил! Аллах – это Бог, а никакого Бога на свете нет, не болтай чепухи!

– Как это – нет? – опешил я от неожиданности. – Мне это моя аже сказала...

– Врет твоя аже! Ленин сказал, что Бога на свете нет!

– Какой такой Ленин? Он что, больше моей бабушки знает, что ли?

– Ну, ты дурак! Не знаешь, что ли, чей портрет висит над воротами автобазы? Это же наш дедушка Ленин, он умнее всех и все знает. Вот он и сказал, что никакого Бога нет! Ха-ха-ха! – Чумазый от хохота схватился за живот. – Ой, не могу, посмотрите-ка на него, Сын Аллаха, говорит! А теперь повтори, как ты меня назвал?!

Не дожидаясь расплаты, я сорвался с места и был таков. Прибежав в свой двор, я спрятался за сараем и, усевшись на небольшой камень, стал размышлять. «Что же получается? – думал я растерянно. – Бабушка говорит, что Аллах есть, Чумазый говорит, что нет, Ленин тоже говорит, что его нет. Я верю своей бабушке, а Чумазый – Ленину. Кто же прав?» Я не сомневался в словах своей бабушки, которая всегда говорила правду. Но судя по словам Чумазого, Ленин тоже не мог врать, ведь не бабушкин, а его портрет висел над воротами автобазы, выходило, что он знал больше. А может все, что мы видим, создано не Аллахом, а Лениным? Мысли мои зашли в тупик, и я, на всякий случай, решил никому больше не рассказывать о том, чей я сын, даже Татаркову Женьке, чтобы и он не поднял меня на смех.

Пораскинув умом, я решил, что если Аллах все-таки есть, то он слишком далеко от меня, где-то там, выше облаков, мать и сестра тоже были не близко, и я сам к ним поехать не мог, отец и брат покинули меня навсегда. Поэтому не оставалось ничего другого, как принять все как есть и продолжать жить дальше своей не очень веселой жизнью...

В однообразии унылых будней я и не заметил, как промозглые осенние дни плавно перешли в долгие и холодные зимние месяцы. Наконец закончились и они, и поля, пригретые первым весенним теплом, стали торопливо покрываться нежным зеленым пушком степного разнотравья.

В первые майские дни из Талдыкоргана приехала повзрослевшая и похорошевшая Маржан. Похоже, у них, у студентов, начались весенние каникулы. Приезд сестры меня очень обрадовал, ведь у меня больше не было родных братьев или

сестер. Увидев Маржан, я бросился навстречу, обнял ее, и мы застыли с ней на месте, крепко обняв друг друга и не разжимая рук.

Все дни, пока Маржан была дома, я не отходил от нее ни на шаг, словно тень, следуя за ней повсюду, куда бы она ни шла. Я все время обнимал ее, не сводил с нее восхищенных глаз, с раскрытым ртом слушал все, что она рассказывала о своей городской жизни. Маржан заметно изменилась, превратившись из простой аульной девчонки в красивую городскую девушку. Я любовался ею, гордился что у меня такая привлекательная сестра, и целыми днями крутился рядом с ней, без умолку рассказывая обо всем, что, по моему мнению, должно было ее заинтересовать. Один за другим я беспрестанно задавал ей всякие вопросы, стараясь привлечь к себе внимание сестры и ревнуя ее ко всему остальному миру.

– Смотри, как долго я могу стоять на одной ноге! – хвастался я, покачиваясь на одной ноге и придерживая рукой согнутую в колене вторую. – А вот так я могу теперь драться! – молотил я воздух сжатыми кулаками. – А знаешь, как долго я могу не дышать? Смотри и считай! А еще я выучил индийскую песню, хочешь, спою сейчас? А хочешь, принесу тебе конфеты? – не дожидаясь ответа, я тут же убежал в дом и выносил сестре свои любимые сладости.

Той весной это были самые счастливые дни моей жизни, которые до сих пор живы в моей памяти. По дороге домой сестра заезжала к матери и привезла мне от нее новую рубашку, сказав, что у нашей мамы родился малыш, и она пока не сможет к нам приехать. Но даже эта новость прошла мимо моего уха, потому что все мое внимание было приковано лишь к моей обожаемой сестре.

Но дни, полные радости и восторга, слишком быстро пролетали один за другим, неотвратимо приближая конец моему счастью. Я знал, что Маржан приехала совсем ненадолго, всего лишь на несколько дней, но старался не думать о нашем скором расставании. Тем не менее, мысли о предстоящем разъедающем душу одиночестве назойливо лезли в голову, и я чувствовал, как меня снова охватывало тоскливое отчаяние, а глаза невольно наполнялись слезами.

Недетские страдания сделали из меня тогда неплохого психолога. Я стал лучше понимать поведение взрослых, улавливал малейшие оттенки в их словах и поступках. От меня теперь трудно было что-то утаить и недосказать. Понимая мое состояние, видя, как я соскучился по ней и был счастлив ее приезду, сестра помалкивала про день своего отъезда. Лишь накануне отъезда Маржан о чем-то пошептала с нашей аже и незаметно для меня, как она думала, стала собирать свой чемодан. Но я все понял. Всю ночь я практически не спал и, обнимая сестру, думал о том, что утром снова останусь один.

Под утро я, видимо, все-таки уснул и тут же проснулся от какого-то шороха. Не раскрывая глаз, я слышал, как Маржан встала с постели и тихо вышла из комнаты. Сон, не успевший сморить меня, тут же пропал, как и не было. Вскоре я услышал, как закрылась входная дверь, и в доме все стихло. Соскакивать с кровати и бежать за сестрой не дало бы ровным счетом ничего. Что я мог сделать, чтобы мы не расставались? Разве могли удержать Маржан моя любовь к ней и мои слезы? Она уже была взрослой, и у нее были свои взрослые заботы и интересы. А мне было всего лишь семь лет. И взрослые относились ко мне как к маленькому несмышленишу.

Я залез с головой под одеяло и, ненавидя повисшую в доме оглушительную тишину и свое опостылевшее одиночество, дал волю душившим меня слезам.

Пожалуй, такими горькими слезами я тогда плакал впервые в своей жизни. Выплавав все слезы, я в отчаянии мысленно обратился к Всевышнему: «Дорогой дядя Аллах! Если ты слышишь меня, сделай так, чтобы Маржан вернулась домой! Я не хочу, чтобы она уезжала, потому что мне без нее очень плохо! Очень прошу тебя, верни ее назад!»

И случилось чудо! Аллах услышал меня! На полпути в город автобус, в котором ехала Маржан, сломался, и она вскоре вернулась домой! Значит, «всезнающий» Ленин ошибался, и Аллах все-таки существовал! Зря Чумазый спорил со мной, а я, выходит, был прав! Таким образом, благодаря милости Аллаха, я провел рядом с сестрой еще один счастливый день своей жизни!

* * *

Те незабываемые события произошли в мае 1986 года. Спустя 26 лет мы, уже взрослые люди, собрались однажды в доме Маржан по случаю ее дня рождения. Сидевшие за накрытым дастарханом гости поздравляли именинницу, произносили тосты. Когда наступил мой черед, я спросил сестру, помнит ли она свои весенние каникулы 1986 года, когда приезжала домой?

– Что-то смутное припоминаю, – ответила она.

– Помнишь, в тот день, когда ты возвращалась в Талдыкорган на учебу, ваш автобус на полпути сломался, ты вернулась домой и смогла уехать только на следующий день?

– Да, да, помню те каникулы! – ответила Маржан. – Ты их тоже запомнил?

– Как не помнить, это же я тебя вернул назад! – улыбнулся я.

– Да? Каким образом? – удивилась сестра.

– Я очень сильно просил об этом Аллаха!

И я рассказал Маржан обо всем, что происходило в моей детской израненной душе в те весенние дни, о том, как нестерпимо больно было мне расставаться со своей единственной и горячо любимой сестрой, и как я в отчаянии стал молить Всевышнего о том, чтобы она вернулась ко мне! Маржан внимательно слушала меня, ее глаза наполнялись слезами, и в какой-то момент она, не выдержав, расплакалась. Я подошел к сестре, и мы, так же, как в тот далекий майский день, крепко и молча обняли друг друга.

ОЛЕШКА

Что касается Талдыкоргана, то в те времена он был для меня очень далеким, недостижимым местом. И когда туда переехала семья наших соседей, я думал, что они уехали едва ли не на край земли. Спустя годы, повзрослев, я много раз бывал в этом замечательном городе, проезжал через него, и мои детские ощущения, конечно, казались мне смешными. С возрастом наше отношение меняется ко многому, к расстояниям в том числе.

В Талдыкорган много лет назад переехал с родителями и мой единственный в то время друг Олешка. К сожалению, с тех пор мы потеряли связь друг с другом, и я не знаю теперь, что с ним. Олешка был редким и замечательным другом, каких не часто встретишь в жизни. Грек по национальности, он любил меня как родной брат. Когда умер Данышпан, мой друг неотлучно находился рядом и утешал меня, как только мог. И я хорошо помню, как всякий раз, когда его отец

отправлялся по делам в город, Олешка просил привезти какие-нибудь игрушки и непременно в двух экземплярах – для себя и для меня, никогда не забывая, что мне игрушки купить было некому.

В один из дней отец привез Олешке новенький двухколесный велосипед. Велосипед, разумеется, был один. Счастливый Олешка тут же выкатил на нем на улицу, и вокруг него сразу собралась ватага мальчишек, среди которых был и я. Мы с восхищением рассматривали двухколесную мечту каждого мальчишки уважительно поглаживая его выгнутый блестящий руль. И тут меня внезапно обожгла мысль, что велик только один, и у меня его не будет. Эта мысль острой болью отозвалась в моей душе.

Олешка дал нам вволю насмотреться на свой велосипед, а потом вскочил в седло и лихо покатил по улице. С завистью посмотрев ему вслед, мальчишки разбрелись кто куда. Только я еще некоторое время продолжал стоять как вкопанный, а потом, сорвавшись с места, сам не понимая зачем, бросился вдогонку за своим другом. Олешка весело крутил педали, велосипед стремительно удалялся от меня все дальше, а я бежал за ним все быстрее и быстрее. Сердце мое бешено колотилось и, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Я чувствовал, как какой-то комок подкатил к горлу, мешая дышать, и вдруг из моих глаз потоком хлынули слезы, которые я то и дело утирал грязными ладонями, продолжая свою необъяснимую погоню. Олешка увлеченно летел по дороге, слившись с самым чудесным на свете велосипедом в одно целое, а я все бежал за ним и беззвучно плакал. Я не понимал, зачем бегу за своим другом и почему так горько плачу, но остановиться не мог и, наверное, бежал бы, пока не упал.

Доехав до автобазы, Олешка развернул велосипед в обратную сторону и тут увидел меня, плачущего и запыхавшегося.

– Что с тобой? – удивился он.

Не в силах произнести ни слова, я всхлипывал и мотал головой, мол, ничего, все нормально.

– Хочешь покататься? На, бери! – Олешка слез с велосипеда и подкатил его ко мне.

– Не хочу! – едва ответил я и, уткнувшись в его плечо, заплакал еще сильнее.

– Да что с тобой, скажи, почему ты плачешь? – никак не мог понять мой друг.

– Не знаю... – ответил я сквозь слезы, и это было правдой.

Конечно, причину моих слез тогда не мог ни я объяснить, ни Олешка понять. Ведь мы оба были еще слишком малы, чтобы постичь боль и глубину человеческих страданий...

Дружески похлопав меня по плечу, Олешка резво покатил обратно, а я, повесив голову, понуро поплелся в сторону своего дома. И никто, кроме меня, не знал, что я не сел на велосипед, предложенный Олешкой, не только потому, что не умел на нем кататься...

* * *

Испытав с ранних лет пронзительное чувство одиночества, я понял, что оно может повлиять на формирование личности человека, порождая в нем излишнюю робость, неуверенность в себе и страх перед жизненными обстоя-

тельствами. Одиночество часто делает нас подозрительными и замкнутыми. Окружающий мир вызывает опасение, а люди кажутся недостойными твоего доверия. Но тот, кто способен бросить вызов этому миру и преодолеть свой страх и робость, может добиться многого. Возможно, не совсем осознанно, но именно по этому пути в далекие детские годы пошел и я. Я перестал бояться злых собак и смело шел им навстречу, забирался на пугавшие меня прежде отвесные скалы и первым из мальчишек спрыгивал с рискованной высоты вниз бросался с кулаками на каждого, посмеявшегося ударить меня. С каждым днем я преодолевал свою робость и при всяком подходящем случае продолжал испытывать себя на прочность. Стыснув зубы и сдерживая слезы, я терпел боль от ушибов и ссадин, молча переживал, если что-нибудь меня расстраивало. Так, воспитывая самого себя, я вырослел и мужал, обретая силу духа и твердость характера и, несмотря на свойственные мне доброту и чуткость, сумел не превратиться в нытика и размазню.

По своей природе я был впечатлительным и чувствительным ребенком. Любил окружающую природу, любовался красивыми растениями, засматривался на летающих птиц, никогда не гонял аульных кошек и собак, а плачущие дети всегда вызывали мое сочувствие и желание приласкать и утешить. При этом я совсем не был тихим домашним мальчиком, а скорее наоборот – драчуном и озорником. Только, поверьте мне на слово, драться мне всегда приходилось, лишь защищаясь от обидчиков. И тогда, конечно, я никому спуска не давал. Бывало, кто-нибудь из мальчишек – задир, получив от меня ощутимый отпор, бежал домой жаловаться матери, и та приходила затем к моей аже с разборками. Аже выслушивала недовольную мамашу, успокаивала ее, обещая строго наказать своего внука, и та, успокоившись, уходила из нашего дома. Однако аже никогда не ругала меня и не отчитывала за баловство и драки. Да и как она посмела бы поднять голос на Сына самого Аллаха? – думал я, находя вполне подходящее объяснение великодушию своей бабушки.

КАЛАН

Но это мое относительное благоденствие однажды закончилось, и закончилось совсем неожиданно для меня. В один из дней я не в меру расшалился, чем очень рассердил жену своего дяди, которая не сдержалась и больно отшлепала меня. Заорав во все горло от обиды и боли, я бросился в поисках защиты к своей аже. Аже кое-как успокоила меня, а потом пошла к снохе и обрушилась на мою обидчицу с такой громкой руганью, которую я никогда прежде от нее не слышал!

Наутро к нам приехала моя мать, которую, как оказалось, вызвала аже.

– Забирай своего сына, Турлыгайша, и воспитывай его дальше сама! – сказала ей аже. – Я уже не справлюсь с ним, да и незачем ему от своих женге тумак получать, пусть лучше родная мать лупит.

Выслушав аже, мать молча посадила меня в машину, и мы поехали в ее новое жилище.

Вскоре мы въехали в просторный двор, в дальнем углу которого стоял большой дом с белой жестяной крышей. Я понял, что здесь и жила моя мать. Судя по размерам дома и огромному двору, хозяин был не из бедных.

Выйдя из машины, я встал рядом с матерью, робко оглядел двор и увидел пожилую женщину, которая, похоже, только что подоила корову и быстро шла к дому с ведром молока. Мне понравилось, что в этом доме тоже была аже, которая наверняка, как и моя, была доброй и ласковой. Однако я жестоко ошибся. Когда она подошла ближе, я увидел хмурую темнокожую некрасивую старуху. Проходя мимо, она метнула в меня колючий взгляд, смачно сплюнула в сторону и зашла в сарай, чтобы оставить там надоенное молоко. Невольно съживившись от такой пугающей встречи, я прижался к матери и крепко вцепился в ее руку. Хозяина дома не было, он в это время пас скот. Его я видел всего лишь раз, да и то мельком, но помнил в общих чертах его внешний облик.

Ближе к вечеру, сидя в доме, я услышал, как во двор заехала машина, потом мотор заглох, дверь в дом отворилась, и я увидел высокого мужчину с толстой шеей и большими мускулистыми руками. Его суровое горбоносое лицо, обожженное беспощадным степным солнцем, было почти черным, из-под насупленных густых бровей злобно смотрели холодные серо-карие глаза, виски были тронуты седinouй, а от всего облика исходила какая-то дикая, необузданная и пугающая сила. Свое недовольство чем-либо хозяин дома выражал грозным скрипом стиснутых зубов и нервно играющими на скулах желваками. Мне совсем не нравился этот страшный, угрюмый человек, в доме которого теперь предстояло жить. Я всем сердцем чувствовал исходившую от него опасность и всякий раз непроизвольно сжимался, когда он оказывался рядом.

Боясь поднять глаза, я слушал, как мать негромко и робко объясняла мужу мой приезд, спрашивала, можно ли мне жить вместе с ними?

Хмуρο выслушав ее, он оглядел меня недовольным взглядом и, грязно выругавшись, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Обычно, если какой-нибудь дружок отпускал в мой адрес подобные слова, я мог тут же кинуться на него с кулаками. Здесь же я позволить себе такое не мог и вынужден был молча сносить любое сквернословие. Со временем я стал привыкать к бранным словам, постоянно слетавшим с языка моего отчима. Чтобы совсем уж не оставаться у него в долгу, я в ответ на его ругань мысленно отвечал ему тем же.

Вскоре отчим вернулся и, подойдя ко мне, приказал: «Снимай штаны!» Ничего не понимая, я с испугом посмотрел на мать, но она молча отошла в сторону и неистово начала подметать пыльный двор. Я стоял с растерянным видом и не знал, как мне быть.

– Ты глухой, что ли?! Снимай штаны, говорю тебе! – раздался надо мной грозный раскатистый голос, заставивший меня вздрогнуть.

– Зачем... папа? – несмело выдавил я из себя.

– Какой я тебе папа?! – опять загредел голос. – Называй меня дядей, а не папой, понял?!

– Ладно...

– Хватит мямлить, снимай штаны!

– Не сниму, мне стыдно! – рискнул я воспротивиться странному приказу.

– Ха-ха-ха! Может ты не пацан, а девка, раз стесняешься?

– Я не девка!

– Докажи!

Терпение мое лопнуло, я спустил штаны: «Вот, смотрите!»

Отчим взглянул куда хотел и крикнул моей матери:

– Эй, Томаш, а сын-то твой, оказывается, неверный!

По его возмущенному возгласу я понял, что неверным в этом доме находиться было нельзя. И поэтому уже следующим утром отчим посадил меня в машину и повез к хирургу по имени Габит, который, несмотря на мои вопли и слезы, незамедлительно произвел необходимые манипуляции по превращению меня в мусульманина. Вот при таких обстоятельствах и произошло мое первое близкое знакомство с новым мужем моей матери Калиаскаром, которого все обычно звали сокращенным именем Калан.

В течение двух недель после операции я вынужден был ходить в платье, которое мать взяла на время у одной из моих двоюродных сестер. Я подметал в нем двор, таскал воду и думал о том, как наилучшим образом ужиться с вечно сердитым отчимом. Не придумав ничего другого, я решил придерживаться трех правил: во-первых, стараться говорить как можно меньше. Во-вторых, никогда не пререкаться с ним и не спорить. И в-третьих, во всем слушаться его указаний. Я надеялся, что выполнение этих правил позволит мне избежать тяжелой руки Калана, но моим надеждам не суждено было сбыться.

Поначалу Калан, подловив меня в каком-нибудь укромном уголке, беспричинно отвешивал мне подзатыльники. Потом подзатыльники стали чередоваться болезненными щипками за уши или нос, но Калану этого было мало, и он изобретал новые формы экзекуций, которые явно доставляли ему удовольствие. Вскоре он придумал очередное издевательство надо мной.

– Эй, щенок, иди сюда! – кричал он, увидев меня во дворе. Придерживаясь своего третьего правила, я торопливо подбежал к отчиму. – Что тебе надо, кто тебя звал? – грозно спрашивал он меня и, притянув к себе, тут же своим огромным кулаком наносил мне удар в подбородок, я падал на землю, а отчим, как ненормальный, принимался весело гоготать.

Вскочив на ноги и изо всех сил сдерживая слезы, я убежал в дом, долго опасаясь даже выглянуть на улицу. Спустя пару дней он опять подзывал меня к себе, но, опасаясь очередного удара, я либо тут же хватал веник и принимался усердно мести двор, либо спешил покормить скотину. Однако Калана обмануть было трудно.

– А ну иди сюда, я тебе сказал! – снова раздавался его грубый окрик. – Не слышишь, что ли?!

Я робко подходил к нему, надеясь на лучшее, но отчим хватал меня и от его резкого удара ребром ладони по шее я снова летел на землю под его сумасшедший хохот. Потирая ушибы, я бежал в дом, не смея плакать и кричать. «Будешь жаловаться матери – убью!» – грозил мне Калан, и я ничуть не сомневался, что он так и поступит, если я вздумаю хотя бы пикнуть. Его садистские забавы научили меня терпеть даже сильную боль и сдерживать даже самые горькие слезы, что в дальнейшем помогало мне нередко выходить победителем в мальчишеских драках.

Что скрывать, в этих уличных потасовках я частенько применял приемы, которыми Калан валил меня с ног, а после его тяжелой и безжалостной руки удары детских кулаков были похожи на безобидные комариные укусы. Через полгода такого самоутверждения я был признан своими друзьями вторым атаманом на нашей улице. Первым был Тлеукеш, рослый и физически очень сильный парнишка. Со временем мы с ним крепко сдружились, и я обязательно расскажу о том, через что нам с ним пришлось пройти за время нашей дружбы.

ВОТ МОЯ ШКОЛА, ВОТ И МОЙ КЛАСС

Со дня моего переезда на новое место минул ровно год, и мне исполнилось семь лет. Вместе со своими сверстниками я готовился идти в первый класс, но не все знали, в какой школе будут учиться, это зависело от выбора родителей.

По профессии моя мать была учительницей русского языка и литературы. Казахским она владела в совершенстве, пожалуй, даже лучше других казахов потому что многие из них нередко обращались к ней за помощью при написании заявлений в суд или местные органы власти. Письма и документы мать составляла очень грамотно, убедительно, об этом было широко известно, поэтому каждый, кому она помогала, уходил от нее благодарным и очень довольным. Со своим мужем-грубияном мать разговаривала всегда красивым литературным языком, и неотесанный, малограмотный чабан, разговаривая с нами, все реже и реже стал употреблять в своей речи матерные слова. Было заметно, что это давалось ему нелегко. Нередко, едва сдерживая смех, я наблюдал за его потугами говорить без мата. Проглатывая бранное слово, он пытался заменить его приличным, но нужное слово не всегда приходило ему на ум, оттого его речь становилась путаной и невнятной. Понять смысл сказанного Каланом иногда было почти невозможно. Не найдя подходящего слова вместо привычного мата, он экал-мэкал, заикался, беспомощно размахивал огромными ручищами, дергал плечами и произносил рубленные фразы без начала и конца. В его словах то и дело слышалось: «ну этот, как его, ну который там...» или «Я... это, того... короче, ну в общем...» Мать в эти моменты терпеливо, не перебивая и не поправляя, ждала, когда муж выскажется, и мне казалось, что она тем самым преподавала ему хороший жизненный урок.

Я не понимал, почему мать с некоторых пор разговаривала со мной исключительно по-русски, но никогда не спрашивал ее об этом. И только перед началом школьной учебы понял, что она таким образом готовила меня к учебе в русской школе. С самых ранних лет, когда мы еще жили в Алма-Ате, я ходил в русский детский сад, но дома все разговаривали только на казахском. Благодаря этому я к семи годам свободно говорил на двух языках.

В самом центре Урджара стоит старое здание средней школы, которая раньше была имени С. Кирова, а ныне названа именем выдающегося казахского поэта И. Джансугурова. Порог этой школы я впервые и переступил много лет назад вместе с моим другим Аркадием. Мы сели с ним за одну парту и проучились так бок о бок три года. Потом семья Аркадия уехала из нашего аула, и много позже я слышал, что все они переехали жить в Германию.

В те времена в школах стояли деревянные парты с откидными крышками. Каждый год к первому сентябрю их красили новой краской, со временем слой краски становился все толще, местами трескался и отколупывался, оставляя на поверхности парты небольшие проплешины. Старый скрипучий деревянный пол в классе был со множеством довольно широких щелей, в которых безвозвратно пропало немало ручек и карандашей, ненароком упавших с наших парт.

Школьная жизнь была мне намного милее домашней. И если после уроков все дети хватали свои портфели и торопливо бежали домой, то я совсем не спешил уходить из школы и подолгу слонялся около нее, пока меня не начинал донимать

голод. И тогда я нехотя, уныло волооча свой портфель, плелся домой, где меня ждали остывшие макароны угрюмой старухи и беспричинные затрещины безжалостного отчима. Так продолжалось изо дня в день, из месяца в месяц.

Готовить дома уроки мне удавалось с большим трудом. Едва я садился за учебники, как за спиной тут же возникла громадная фигура моего мучителя. «Что расселся тут, сирота приبلудная?! – гремел голос отчима. – Сидишь, зубришь, хочешь стать умнее всех, что ли? Не старайся, умней меня все равно не станешь вставай, иди кормить скотину!» Бесцеремонно вытолкав меня из-за стола, он, довольный собой, отправлялся по своим делам. Сам Калан, судя по всему, за всю свою жизнь не держал в руках ни одной книжки. Вытаращившись на полки с книгами, привезенными моей матерью, он брал одну из них, пролистывал и, с недоумением ставя обратно, удивлялся: «Что в них хорошего? Ни одной картинки нет!» Чувствуя при этом недоступную его пониманию огромную власть книг над душой его жены, он всем сердцем ненавидел эти книги, а заодно ненавидел и меня, тоже занимавшего в сердце матери очень важное место. Зная мою любовь к чтению, Калан строго следил за тем, чтобы я не приближался к материнской библиотеке в гостиную. Но я и сам тогда не стремился к серьезной литературе, зная, что еще не дорос до того, чтобы погрузиться в огромный и бездонный океан человеческой мудрости.

НОЖИ КАЛАНА

Ко всему прочему, Калан отличался еще и большой тягой к спиртному. Водку он мог пить безостановочно и много. И если любой едва стоящий на ногах алкоголик всегда выглядит отвратительно, то мертвецки пьяный Калан с его огромным ростом и внушительной массой представлял собой довольно страшное зрелище. Дойдя до такого состояния, он, едва живой, огромной глыбой шатаясь из стороны в сторону и нелепо размахивая руками, вваливался в дом и, оглядывая всех бессмысленным взглядом, грязно ругаясь и что-то неразборчиво мыча, с грохотом падал на пол, едва перешагнув порог. Комната тут же наполнялась нестерпимым, тяжелым запахом перегара, вонючими выхлопами вылетавшего из его полуоткрытого рта. О способности Калана напиваться до полусмерти знала вся округа. Тем не менее, я никогда не видел, чтобы он даже в этом бессознательном и неуправляемом состоянии хоть раз поднял руку на мою мать. Врать не буду – чего не было, того не было. Доставалось, и довольно часто, только мне. Похоже, только на мне Калан вымещал свою необъяснимую злость и раздражение.

Хорошо помню одну историю, случившуюся между нами много лет назад. Была зима. В один из морозных дней, ближе к вечеру, Калан опять явился домой крепко выпившим. И как всегда, перешагнув порог и сделав несколько шагов, рухнул, как подкошенный, на пол и затих. Дома, кроме меня, никого не было, мать и старуха ушли к моей аже, которая в то время тяжело болела. Не на шутку испуганный, я осторожно подошел к распластанной на полу туше, не зная, как быть. Поднять с пола громадное тело я был не в силах и боялся даже прикоснуться к нему. Пока я стоял и размышлял, Калан очнулся, зашевелился и, еле приподнявшись, кое-как сел. Плохо соображая, он медленно обвел мутным взором комнату и увидел пасынка, стоявшего рядом. Какое-то время отчим молча

смотрел на меня, потом, схватив меня, обнял и неожиданно заплакал. Растроганный от непривычной нежности, я тоже расплакался. Уткнувшись в Калана и шмыгая носом, я решил, что мой мучитель плачет, потому что раскаивается в своей неоправданной жестокости ко мне, молча и терпеливо сносившему его подзатыльники и оплеухи. Казалось, что все плохое теперь закончится, и наступят лучшие времена. Но тут Калан вдруг резко оттолкнул меня и стал бить себя кулаками по голове, громко причитая:

– Какой же я дурак, что кормлю чужого выродка! Какой же я дурак!

Растерявшись, я застыл на месте, не смея даже шевельнуться. Плохое предчувствие сдавило сердце. «Наверное, бить сейчас будет!» – мелькнула в голове мысль. Закончив самоистязание, Калан схватил меня за руку, потащил в гостиную, посадил на стул и молча уставился на меня. Его тяжелый, угрюмый взгляд не предвещал ничего хорошего. «Лучше бы ударил!» – подумал я, чувствуя, как пристальный взгляд Калана пронизывал меня насквозь. Не говоря ни слова, отчим снял свой ремень и, заломив мои руки за спину, начал привязывать их к стулу. От страха я заорал во все горло.

– Заткнись, щенок! – злобно прикрикнул отчим.

Я испуганно умолк, затравленно ожидая своей участи.

Привязав меня к стулу, Калан, пошатываясь, направился к серванту, открыл дверцу и стал в поисках чего-то шарить по его полкам. Наконец нужная вещь нашлась. В руке Калана я увидел большой сверкающий нож. Незадолго до этого он ездил в Алма-Ату и, словно заядлый охотник, привез оттуда несколько длинных ножей, чтобы резать скот. Сердце мое ушло в пятки, я едва дышал и с ужасом смотрел на острое лезвие ножа. Усмехаясь, Калан уселся в стоявшее неподалеку кресло и устроил мне небольшой допрос.

– Эй, дармоед, скажи, что это у меня в руке?

– Нож... – дрожащим от страха голосом ответил я.

– Как думаешь, для чего я купил его?

– Резать скот...

– Ошибаешься! Я купил его, чтобы тебя резать! Ха-ха-ха-ха-ха!

– Не надо меня резать, пожалуйста! – начал молить я отчима со слезами на глазах.

– Заткнись! Я сам знаю, что мне делать!

Слезы ручьем потекли из моих глаз, и я вспомнил рассказы соседей о том, что Калан, будучи раньше женатым на молоденькой девушке, однажды в пьяном угаре связал ее и, размахивая ножом, едва не зарезал. Благо, люди услышали крики несчастной и, прибежав на помощь, вырвали ее из рук обезумевшего мужа. Вспомнив об этом, я понял, что мне грозила реальная опасность. Рядом никого не было, моих криков никто бы не услышал, ждать чьей-то помощи не приходилось, поэтому надо было как можно быстрее спастись. Пока Калан искал нож и допрашивал меня, я беспрестанно ерзал на стуле, дергал руками, и кое-как завязанный ремень мало-помалу развязался. Оставалось улучшить момент и бежать. Калан, развалившись, все еще сидел в кресле, сжимал в руке нож и, едва ворочая языком, крыл меня последними словами. Его блуждающий взгляд бессмысленно скользил по комнате, пьяные глаза то и дело непроизвольно закрывались, и он не заметил, как ремень соскользнул с моих запястий и упал на пол. Я вскочил на ноги, Калан, заметив это, тоже попытался встать с кресла, но я, не помня себя,

схватил свой стул и изо всех сил ударил им по его голове. Схватившись за голову, отчим упал на пол.

В панике я заметался по комнате, не находя в вечернем сумраке входную дверь. Наконец я ее увидел, быстро распахнул и выскочил во двор. Зимний вечер был морозным, на мне были только майка и трусы, но я, не замечая холода, в чем был, бросился к дому нашего ближайшего соседа Турсынгазы. Подбежав к калитке, я изо всех сил принялся бить в нее кулаками, то и дело оглядываясь назад и опасаясь преследования. Услышав шум, из дома вышел Турсынгазы, который без лишних слов быстро завел меня в дом. Так благополучно закончился для меня тот далекий и страшный вечер.

НОЧЬ СОРОКА ДУХОВ

Чувствуя свой скорый уход, тяжелобольная аже попросила, чтобы меня привезли к ней. Помню, как аже долго обнимала, ласкала и целовала меня, а потом позвала мою мать и, указывая на меня, строго наказала: «Следи, чтобы никто даже пальцем не трогал его, он – мой ребенок!»

* * *

В наш дом опять пришла смерть. И опять мне пришлось пережить потерю родного человека. Пять лет назад я безутешно горевал по ушедшему в вечность родному брату, и вот безжалостная смерть забрала у меня любимую аже – главную мою защитницу и опору.

– Иди, простись со своей аже, – сказали мне взрослые и завели в комнату, где она лежала.

Я подошел ближе и увидел ее необыкновенно спокойное, лишенное привычной озабоченности родное лицо. Аже выглядела так, словно спала крепким безмятежным сном. Наклонившись, я легонько поцеловал ее лоб, он был холодным и безжизненным.

Потом я со всеми поехал на кладбище и, увидев большое количество собравшихся, понял, какое всеобщее уважение и любовь оказывали односельчане моей аже. К вечеру я сильно разболелся, тело ломило, поднялась температура, и я едва стоял на ногах. Наш небольшой дом был наполнен людьми, собравшимися на прощальный ас. Не найдя свободного места, где меня можно было бы пристроить, мать постелила одеяльце в стоявшую в углу большую плетеную корзину, в которой аже всегда держала картошку или яблоки, и уложила меня в нее. Охваченный жаром, я то засыпал, то просыпался от шума и суеты вокруг меня. К ночи жар усилился, и я, находясь в полузабытье, даже начал бредить. Но никому не было дела до меня. В один из таких моментов мой слух уловил непонятный шорох в комнате, которая потом наполнилась каким-то терпким запахом. Я высунул из корзины голову и увидел, что сидевшие в комнате женщины скручивали руками из кусочков обычной марли небольшие свечи. Любопытство вытолкнуло меня из корзины, я подбежал к одной из наших родственниц и спросил, что они делают.

– Мы делаем сорок свечей, сынок! – ответила она.

– Для чего?

– Для сорока духов.

– А кто они такие?

– Это святые духи наших предков, которые оберегают нас в нашей жизни. Мы зажжем эти сорок свечей, чтобы духи были рядом с твоей аже и помогали ей. На, возьми одну свечку, поддержи ее в сторонке.

Я взял свечу и, отойдя от взрослых, смотрел, как крохотный дрожащий огонек медленно поглощал ее марлевые края. От свечки исходил незнакомый горьковатый, но совсем не противный запах. Пропитанные жиром и туго скрученные стержни рукотворных свечей горели вокруг меня долгими мерцающими огоньками и делали комнату какой-то волшебной и таинственной. В эти минуты я и сам себе стал казаться необыкновенным сказочным персонажем, находящимся в царстве полутьмы и загадочных теней.

Через некоторое время я увидел, как по стенам и потолку неожиданно с глухим шорохом начали пробегать таинственные тени фигур в каких-то странных остроконечных шапках. Одна из теней на миг остановилась и обернулась в мою сторону. Я испуганно опустил вниз свою свечу, и она, потрескивая, мгновенно погасла. Тени на потолке и стенах тут же исчезли. Одна из старушек, принимавших участие в таинстве, подошла ко мне и, забирая мою погасшую свечу, пробормотала:

– Пусть огонь твоей жизни никогда не погаснет!

Моя память навсегда сохранила в себе ту необыкновенную, полную волшебства ночь, когда моя любимая аже, покинув меня, навсегда ушла из этого мира. Посидев еще немного среди сорока маленьких огоньков, я, сморенный нездоровьем и усталостью, вскоре забылся крепким сном и проспал до позднего утра следующего дня. Проснулся я, на удивление, вполне здоровым и бодрым, не чувствуя никаких следов вчерашней хвори.

* * *

После той необыкновенной ночи во мне проявились некоторые неожиданные способности. Например, иногда я видел не только предмет, стоявший передо мной, но и его внутреннее содержание, а при долгом, сосредоточенном взгляде на человека я мог даже разглядеть строение его скелета. Про другое говорить не буду, все равно не поверите.

Расскажу лишь о том, что с тех самых пор каждый раз, ложась спать и закрывая глаза, я тут же погружался в какой-то фантастический мир, наполненный негромкими таинственными звуками. В этом незнакомом мне мире я попадал внутрь просторной воздушной трубы и быстро летел по ней, чувствуя, как от стремительного полета у меня захватывает дух. В какой-то момент я замечал вдали маленькую темную точку, которая летела мне навстречу, быстро увеличивалась, обретая незнакомую мне форму, но потом вдруг резко уменьшалась и растворялась в воздушном пространстве. Так же возникали и летели прямо на меня другие непонятные тела, которые тоже неожиданно потом исчезали.

Опасаясь столкновения с незнакомыми объектами, я изо всех сил стремился поскорее вылететь из этой невесомой трубы и когда наконец выбирался из нее, то сразу попадал в сказочное место, полное удивительных чудес! Это было огромное красочное пространство, залитое золотистым светом. В этом райском месте, которое не имело границ, я чувствовал себя абсолютно счастливым и беззаботным. Едва касаясь земли, я легкими, невесомыми шагами прогуливался по разноцветным благоухающим полям, любясь незнакомыми цветами и растениями. Иногда

вдалеке возникали высокие величественные горы, которые манили к себе своей необычной красотой. И тогда, оттолкнувшись от земли и поднявшись высоко в небо, я летел прямо к их вершинам. И повсюду, где бы я ни прогуливался, звучала негромкая и приятная музыка, услаждая и душу, и слух. Станным образом эта музыка была мне хорошо знакома, мало того, казалось, что я и сам мог бы без труда сыграть ее на любом инструменте.

По этому пространству то и дело пробегали разные диковинные животные совсем не похожие на тех, которые существовали на земле, а в небе летали необычайной красоты птицы и незнакомые мне существа с яркими пестрыми крыльями гигантских бабочек.

Я с восторгом наслаждался открывшимися передо мной невероятными красотами сказочного мира, но в какой-то миг, словно от толчка, резко открывал глаза, и прекрасное видение тотчас бесследно исчезало. Так происходило почти каждую ночь, в течение долгого времени. И лишь позднее, уже в подростковом возрасте, сказочные видения перестали возникать перед моим мысленным взором. Признаюсь, сейчас я скучаю по тому волшебному миру, в котором мне было так хорошо и легко. Кто знает, может, это были мои путешествия в неведомый живым людям таинственный мир, куда ушли навсегда мои родные?

* * *

Справив семидневные поминки по аже, мы с матерью вернулись домой. Калан, вопреки моим опасениям, встретил меня ласково, погладил по голове и легонько ущипнул за кончик носа. Причина такой неожиданной доброты была, конечно, понятна. Отчим явно надеялся, что я буду держать язык за зубами.

Но кому я мог рассказать о том, что произошло между нами? Мать я не хотел расстраивать, а ее братья, узнав обо всем, могли побить Калана, и он потом жестоко отомстил бы мне. Поэтому я и решил помалкивать. Со временем Калан, думаю, забыл о своей дикой выходке, но в мою память она врзалась на всю жизнь.

После той зимней истории я многого перестал бояться. И если бы на меня снова кто-то пошел с ножом, я готов был биться с ним до победного конца. Мои дружки-приятели хорошо знали об этом и считали меня бывалым бойцом. И хотя я никому ничего не рассказывал, все на нашей небольшой улице, конечно, знали, что мне частенько доставалось от отчима. Однако я не опускал головы, не раскисал, а, наоборот, держался уверенно и с достоинством и, наверное, поэтому все мальчишки нашей улицы с уважением относились ко мне, признавая мои лидерские качества. Если бы ты, дорогой читатель, мог видеть, с каким важным видом я тогда выходил на улицу! Взгляд сверху вниз, грудь колесом! Завидев меня, приятели подбегали ко мне, приветствуя и следуя за мной словно свита. Я мог безнаказанно подшутить над любым из них и подразнить любого, кроме, конечно, Тлеукеша, ведь он был самым главным на нашей улице. Калану мое атаманство было хорошо известно, поэтому иногда, выйдя с сигаретой в зубах за ворота, он, ехидно посмеиваясь, спрашивал какую-нибудь соседку, готова ли та выставить своего сына на бой против его пасынка.

– Дурак! Хочешь устроить с нашими детьми как с петухами петушиный бой?! Пожалел бы чужого сироту! Ни стыда у тебя нет, ни совести! – ругались возмущенные соседки, а Калан, довольный своей выходкой, в ответ только весело гоготал.

ДРАКА В ГОРАХ

Летом к Калану из Алматы приехали погостить два толстопузых племянника. Один из них был на год, а второй на два года старше меня. В один из дней Калан решил отвезти нас в раскинувшееся у подножья Тарбагатая коневодческое хозяйство. Мне ехать туда совсем не хотелось, но он даже не стал меня слушать. Мать, вздыхая и поглядывая в мою сторону, стала собирать меня в дорогу.

– Сынок, ты же умный, слушайся Калана и не трогай его братьев, хорошо? – просила она меня.

– Не волнуйся, мама, все будет нормально! – шмыгнув носом, ответил я с улыбкой.

– Пожалуйста, не дерись, не нарывайся! – опять попросила мать.

– Я же Рэмбо, меня никто не тронет! – пошутил я, желая развеселить ее.

– Будь хоть Рэмбо, хоть Брюс Ли, не лезь в драку!

Весь следующий день мы тряслись на ухабистой дороге в старой дребезжащей машине Калана и к вечеру, наконец, добрались до места. Выбравшись из видавшей виды развалюхи, я увидел совсем близко от нас прекрасные горы Тарбагатая, которые при вечернем освещении казались по-особенному величественными и полными сдержанного достоинства. Я смотрел на них, и мне казалось, что они внушали мне такую же спокойную уверенность и силу.

Наутро Калан обошел безмятежно спавших братьев, растолкал меня и вывел на улицу.

– Ты кому-нибудь рассказывал о той зимней ночи? – спросил он меня, глядя в упор.

– Не знаю, о чем вы говорите, – ответил я ему с непонимающим видом.

Похоже, отчиму мой ответ понравился – с довольным видом он притянул меня за шею и слегка приобнял.

Одного из его племянников звали Асыл, что означает «благородный», другого – Еркин, «свободолюбивый». Оба не соответствовали своим именам. Асыл был приземистым темнолицым толстяком, а Еркин, тоже довольно упитанный, был пуглив как заяц. Смешно было видеть, как он боялся лошадей и всегда старательно обходил их стороной. Меня поражала невероятная прожорливость Асыла, который запихивал в рот все, что стояло перед ним на столе. Видя эту ненасытность, я не удивлялся его излишней полноте. Еркин был немного худее Асыла, но тоже сметал все со стола. Оба они были старше и крупнее меня, но главное – за их спиной стояла надежная защита в лице Калана. Одеты братья были в новенькие спортивные костюмы «Ади-дас», о которых мы, аульские мальчишки, даже не мечтали, на их ногах красовались белые кроссовки, на запястьях рук поблескивали новенькие электронные часы. Несколько раз я пытался подойти к ним ближе, чтобы лучше рассмотреть часы, но они презрительно поворачивались ко мне спиной или просто отталкивали от себя. А часы были очень необычные! Таких не было даже в универмаге Урджара. Те, что мы там видели, не шли ни в какое сравнение с этим чудом. Посматривая на них со стороны, я любовался мигающими цифрами и удивлялся, услышав исходившую от них иногда какую-нибудь мелодию. Да что там говорить, они были настоящим чудом! Даже их ремешки – кожаные и гладкие, были прекрасны!

Я уже говорил, что один из них – Асыл, отличался ненасытностью и всеядностью в еде, а второй – Еркин, был трусоват, но при этом очень игрив и постоянно

затевал какие-то странные детские игры. У него был мяч. Забавляясь им, Еркин тихонько пинал его по дороге, а потом, пританцовывая как девчонка, радостно догонял его. Это могло продолжаться довольно долго. Наблюдая нудную и совсем не мальчишескую забаву, я чувствовал раздражение и непреодолимое желание подбежать и изо всей силы пнуть мяч так, чтобы он улетел куда-нибудь подальше. Карманы братьев были набиты упаковками жевательной резинки. Покончив с одной, они доставали другую и, беспрестанно жуя, демонстративно выдували передо мной пузыри. До моих ноздрей долетал сладкий, соблазнительный аромат жвачки, но меня, однако, никто ими не угощал. Оба ходили в бейсболках, на бейсболке Асыла было написано какое-то слово по-английски, но я не знал английского, поэтому перевел слово по-своему: «Придурок». На другой красовалось изображение изогнутой змеи, и Еркин получил кличку «Змей».

В отличие от двух толстяков, без толку слонявшихся из стороны в сторону, я все время был занят каким-то делом – подметал двор вокруг дома, где мы остановились, носил ведрами воду из ближайшего родника, кипятил чай для этих оболтусов, мыл посуду, убирал со стола. А братья ходили с таким видом, словно были моими хозяевами. Поначалу мой взъерошенный вид, синяки и царапины на всем теле, похоже, насторожили их, потому что они некоторое время сторонились и с опаской посматривали на меня. Однако вскоре «гости» привыкли к моим «боевым» отметинам и заметно осмелели. Теперь, когда Еркин, как обычно, осторожными пинками катал по двору свой мяч, я должен был так же пинком возвращать его обратно. До сих пор я всегда играл мячом только в футбол и привык бить по нему как положено. Поэтому эти его медленные перекатывания просто выводили меня из себя. Однако стоило мне чуть сильнее пнуть по мячу, как тут же раздавался строгий окрик Змея: «Не надо!» Делать нечего, приходилось слушаться.

Так продолжалось изо дня в день. Помимо всего прочего, я был обязан без конца подогревать еду для Асыла, который хотел есть через каждые два часа, и я не понимал, куда в него влезает столько еды! Стоит ли удивляться, что самым большим моим желанием было швырнуть ненавистный мяч куда-нибудь в глубокий овраг, а ненасытному обжоре надавать по толстой шее, чтоб навсегда отбить излишний аппетит. Руки мои чесались, но я все время находился под неустанным присмотром Калана, который тоже подолгу бездельничал, усевшись неподалеку и без конца дымя сигаретой. Так прошли три абсолютно похожих друг на друга дня. Я изнывал от скуки и задавался вопросом: почему, приехав в такие красивые места, мы не гуляем по окрестностям, не любуемся природой, не садимся верхом на лошадей и не скачем галопом вдоль прекрасных тарбагатайских гор? Отчего бы нам не походить по этим живописным горам, и почему, в конце концов, трусливый Еркин не способен ударить по мячу как следует?! Вопросов в голове крутилось немало, но ни на один из них я не находил ответа.

Калан заметил мое критическое отношение к братьям, и его самолюбие было задето. Ведь это были его родные племянники, сыновья младшего брата, не то что я – чужой ребенок, прибившийся к его порогу. На четвертый день, отправляясь к роднику за водой, я краем глаза заметил, что он подозвал к себе племянников и стал о чем-то с ними говорить. «Посмотрим, чего они там надумают!» – решил я, готовый хоть к какому-то разнообразию в нашей унылой жизни и порядком уставший от обслуживания «байских» сынков. Когда я вернулся, Калан сообщил, что он устраивает бой между мной и обоими братьями, а победитель получит

целый рубль! О том, что отчим затеет этот бой, я догадывался еще в Урджаре. Не знал только о призе в один рубль. Ну что ж, бой так бой! – я с нескрываемым азартом принял этот вызов.

И вот Асыл, сопя и пыхтя, крутится, прыгает передо мной, растопырив руки, а Еркин пристраивается сзади и, крепко сжав кулаки, готовится нанести удар. Не мешкая, я первым пошел в атаку и, примерившись, ударил Асыла в нос, из которого тут же фонтаном брызнула кровь. От неожиданного и сильного удара Асыл не устоял на ногах и упал на землю. Нокаутировав одного, я оглянулся и увидел растерянного и испуганно съживившегося Еркина. Забежав ему за спину, я легонько пнул его в мягкое место, и он, ойкнув как девчонка, тут же шлепнулся задницей в пыль. На этом наш поединок закончился. Я взглянул на Калана, он сидел мрачный и недовольный. Сердито подозвав к себе братьев, он замахнулся, чтобы шлепнуть их, но раздумал и опустил руку. От испуга Еркин громко заплакал, а Асыл, сопя и не поднимая головы, стоял и хмуро глядел себе под ноги. Я ликовал и был очень рад своей победе, но, опасаясь крутого нрава отчима, старался никак не проявлять свою радость. Калан обещание сдержал – рубль был у меня в кармане!

Расставание с братьями не обошлось без сюрприза. Я и подумать не мог, что могу стать обладателем чуда, на которое с завистью смотрел все это время. Но это, тем не менее, произошло: уезжая, Асыл снял с руки свои часы и подарил их мне! Я был потрясен и понял, что не разглядел в нем присущую ему широту души. А Еркин, прозванный мною Змеем, так и не простил мне тот пинок, заставив в душе обиду. Скажу честно, победа в поединке меня одного против двух старше себя противников была одной из самых ярких моих побед, которыми я когда-либо гордился. И еще. Ни разу за те пятнадцать дней, которые мы провели у Тарбагатайских гор, Калан меня даже пальцем не тронул.

ТЛЕУКЕШ

Полное имя Тлеукеша, моего первого настоящего друга, было Тлеукабыл, так его называли при рождении. Мы были ровесниками и близкими по духу, всегда понимая друг друга с полуслова. Нам нравились одни и те же игры, и мы вместе все время придумывали для себя какие-то забавы. Его отец Тусипхан был хорошим, доброжелательным и приветливым человеком, любившим меня как родного. В ауле он пользовался всеобщим уважением, и люди называли его уменьшительно-ласково Тусеком. Тлеукеш не признавал в нем отца, потому что с ранних лет воспитывался у своего деда, и относился к нему как к родному дяде. Я хорошо помнил аташку своего друга – большеглазого, высокого, статного человека по имени Рамазан. Однажды, бегая с друзьями по улице, я увидел идущего навстречу Рамазана-ата, в руках которого была двустволка. «Как было бы хорошо, если бы он зашел к нам домой и пристрелил ненавистного Калана!» – мелькнула в моей голове сумасшедшая мысль, хотя я и знал, что желать чьей-то смерти – это большой грех. Наверняка, эта мысль пришла мне на ум после очередной болезненной оплеухи отчима.

В доме Тлеукеша я мог расслабиться и наиграться вволю, как мне того хотелось. Чаще всего, конечно, это были игры в войнушку, в которой мы «стреляли» из самодельного незатейливого оружия, которым могла быть любая палка или

прут. Таким «оружием», например, стали сломанные ручки одной из носилок в доме Глеукеша. Распилив их пополам, мы получили отличные «винтовки» и, вооружившись ими, отправились на поиски «шпионов». Улица, на которой мы жили, одним концом упиралась в большую шоссеиную дорогу, за которой было поле, засеянное распространенным в те годы кормовым растением эспарцетом. Это место называлось тогда сорт-участком, за ним тянулись длинные стройные ряды виноградников. Подросшая на поле трава образовывала высокие густые заросли, в которых могли скрываться опасные шпионы.

Несмотря на то что Вторая мировая война давно ушла в прошлое и мое поколение росло в прекрасное мирное время, игры в «войнушку» оставались самыми любимыми у всех советских пацанов. Так или иначе, все мы с огромным удовольствием смотрели множество военных фильмов, гордились нашими разведчиками и ненавидели вражеских шпионов. Неудивительно, что главным в этих военизированных играх были безусловная и разгромная победа над ненавистным «врагом» и поимка вражеских лазутчиков.

Вот и мы с моим другом решили однажды прочесать заросли эспарцета и поймать хотя бы одного шпиона, которого бы связали и доставили в дом Глеукеша. Мы мечтали, что об этом напишут во всех районных и областных газетах, обязательно разместят наши фотографии, и слава об этом подвиге разлетится по всему Казахстану! В обозначенный день мы, полные решимости поймать врага, встретились на закате у трассы и направились к сорт-участку. Вечернее время было выбрано нами неслучайно. Наверняка именно в сумерках в этих укромных местах происходит сборище подлых врагов, и хотя бы одного из них мы непременно схватим. Потом мы вызовем милицию, прославимся на всю страну, возможно, получим денежное вознаграждение и разбогатеем! Вооружившись «ружьями» и волоча по земле толстый аркан, мы вышли на шоссе. Аркан был нужен для того, чтобы связать пойманного шпиона. До сорт-участка идти было недалеко. Сумерки сгущались, погружая окрестности в усиливающийся полумрак. Вдруг впереди обозначился какой-то неясный предмет. Подойдя ближе, мы разглядели чей-то «Москвич» и обрадовались: «Шпион!» Мы пригнулись и сбавили шаг, стараясь ступать как можно тише. Приблизившись, мы заметили, что закрытые стекла автомобиля были слегка запотевшими. «Спит, наверное, гад!» – решили мы с Глеукешем. Чтобы враг не заметил нас, мы легли на землю и по-пластунски поползли к машине. Из «Москвича» доносились чьи-то стоны. Достигнув цели, мы приподнялись, осторожно заглянули в окно машины и увидели там подозрительного типа, очень похожего на шпиона, который уже сорвал с какой-то женщины одежду и, навалившись на нее, пытался задушить. «Наверное, он поймал коммунистку!» – подумали мы. Руками жертва обхватила своего убийцу за шею, потом ее руки разомкнулись и сползли по его спине, поглаживая ее. «Пытается разжалобить!» – догадались мы. Медлить было нельзя, ведь несчастная могла погибнуть в любой момент. Мы присели у машины и стали совещаться. Несомненно, женщина была раздета для того, чтобы ее труп легче было утопить в реке, а сам шпион разделся, чтобы не испачкаться кровью и не вызвать ненужных подозрений. Мы решили больше не медлить и распределили, кто и что должен делать.

Резко дернув за дверную ручку и распахнув дверцу машины, я увидел прямо перед собой большое голое мужское тело, едва не уткнувшись носом в его круп-

ные упругие ягодыцы. Я на мгновение растерялся, но тут раздался громкий голос Тлеукеша: «Встать, вы арестованы!» Женщина, распластанная под шпионом, испуганно вскрикнула и затихла. Мужчина оторвался от своей жертвы и, крикнув: «Кто тут шляется по ночам?!» – попытался схватить меня за руку, но мне удалось увернуться. Мы переглянулись с Тлеукешем и, не сговариваясь, рванули прочь от машины. Слава славой, деньги деньгами, а жизнь была дороже! С таким громилой, которого мы обнаружили в машине, мы бы, конечно, не справились.

Мы бежали, не разбирая дороги, то и дело оглядываясь назад и с ужасом видя, что шпион бежал за нами.

– Бросай ружье! – крикнул мне Тлеукеш.

– Сам бросай!

– Оно мне нужно!

– И мне тоже нужно!

– С ним бежать труднее, бросай!

– Давай оба бросим!

– Давай!

Мы отбросили в сторону свои «ружья», которые, конечно же, достались врагу, бежавшему за нами. Однако аркан, который я крепко сжимал в руке, я бросить не мог, потому что он принадлежал Калану. И лучше было пасть геройской смертью от руки врага, чем умереть от побоев отчима.

– Брось аркан! – опять крикнул Тлеукеш.

– Не могу, Калан убьет!

– Не убьет, возьмешь у нас!

– Они же разные!

– Какая разница?! Брось его, иначе этот гад догонит и прикончит тебя! – уговаривал меня друг, бежавший немного впереди.

– Не брошу! Пусть убивает! Скажешь родным, что погиб от руки врага!

– Ишь, какой хитрый! Героем хочешь стать? Тогда дай мне другой конец аркана!

Я кинул другу на бегу второй конец веревки, вдвоем мы ухватились за нее и припустили что было мочи. Оглянувшись через некоторое время, мы с облегчением увидели, что наш преследователь наконец остановился и что-то кричал нам вслед, потрясая поднятыми кулаками. Чуть дыша, взмокшие от страха и долгой погони, мы, едва переставляя ноги, кое-как добрались до своих домов.

На следующий день, не жалея красок, мы рассказали друзьям о ночной разведке и неудавшейся поимке шпиона. Слушая нас, приятели весело хохотали, но никто почему-то не считал нас героями. На этом наша с Тлеукешем деятельность в качестве советских разведчиков была закончена.

ТИМУР

Однажды, прибежав в наш дом, Тлеукеш с порога стал звать меня к себе:

– Идем со мной, к нам в гости приехал один мой родственник – заядлый драчун! Меня ни во что не ставит, но я не могу надавать ему, все-таки родня, да еще в гостях. Других пацанов он уже одолел, может, ты справишься с ним?

Меня новость заинтересовала, ведь если речь заходила о какой-нибудь потасовке, уговаривать меня не приходилось.

– Пошли! – не раздумывая, ответил я.

Во дворе дома Глеукеша я увидел нескольких наших друзей, обступивших смуглого мальчишку плотного телосложения, с повязанной через лоб красной лентой. Я подошел к нему и протянул руку.

– Тимур! – первым назвал себя чужак.

– Акберен!

– Мы зовем его Акош! – сказал кто-то из воинов.

– Будешь драться? – спросил меня с вызовом Тимур.

– Конечно!

– До первой крови или до конца?

– До конца!

– Ну, тогда пошли!

– Пошли!

Мы отошли в конец двора. Надо сказать, что к тому времени я уже давно ни перед какой дракой не робел и относился к потасовкам так же спокойно, как к привычным тумакам Калана. Поэтому и в этот раз я стоял перед Тимуром уверенно, без страха и дрожи. Однако в моем противнике чувствовались неуверенность и волнение. Видимо, мои дружки уже успели рассказать ему о моих подвигах.

Выбрав подходящее место, мы бросились друг на друга. Тимур дрался хорошо и умело. Но во время драки он почему-то все время закрывал глаза. Я воспользовался этой его особенностью, и когда он в очередной раз закрыл глаза, забежал ему за спину и резко ударил его по затылку ребром ладони, как это делал Калан.

– Сдаюсь, сдаюсь! – закричал Тимур, схватившись за голову и отбегая в сторону.

Договор есть договор, мы бились до победного конца.

Позже я узнал, что Тимур приходился Глеукешу дальним родственником и приехал на лето из Рудного, где жила его семья. И хотя он был городским, тем не менее, как отчаянный аульный пацан, без раздумий и смело бросался в любую драку. В один из дней по нашей улице разнесся слух, что Тимур подрался с самим Кулаком и даже победил его. Это было неслыханно! Мы горячо обсуждали эту новость и передавали ее тем, кто еще был не в курсе. Кулаком мы звали самого отъявленного драчуна нашего района, сильного и задиристого Марата. Его сторились все мальчишки, побаивались и мы с Глеукешем, потому что во время потасовки Марат мог ударить противника любым предметом, оказавшимся в его руке. От одной из таких драк у меня на лбу даже осталась отметина. А произошло это так.

Однажды Марат предложил мне выйти с ним на поединок. Поначалу все шло как обычно – мы бились упорно и на совесть, и я не заметил, как, улучив момент, Марат быстро поднял с земли небольшой камень и неожиданно ударил им меня в лоб. Хлынувшая из раны кровь тут же залила мне лицо, перепуганные друзья побежали за моей матерью, и потом мы с ней поехали в больницу, где мне эту рану зашили. От переживаний у матери поднялось давление, и она пару дней пролежала дома, не выходя на работу.

И вот этого безбашенного драчуна побил Тимур, который был младше нас на два года! Кто бы мог такое представить? Я поспешил к Тимуру, чтобы убедиться, что все это было правдой.

– Что это? – спросил я, увидев ранку и синяк на его шее.

– Марат укусил! – небрежно махнул рукой Тимур и рассказал, как в конце драки повалил того наземь и отвесил ему пару пинков напоследок.

Кулак жил на соседней улице и был там вояком среди мальчишек, и сегодня, после такой громкой победы над ним, на нашей улице был праздник! Теперь пацаны с побежденной улицы должны были подчиняться нам, потому что мы в этом бою оказались сильнее. Тот памятный день сблизил с Тимуром меня и Тлеукеша, мы стали хорошими друзьями и даже поклялись в вечной дружбе!

Лето близилось к концу, и Тимуру надо было возвращаться к новому учебному году к себе домой. В день отъезда мы с Тлеукешем отправились провожать его на вокзал. Помню, как долго мы не хотели расставаться друг с другом, как наворачивались слезы на глазах Тимура. Он был симпатичным и улыбчивым и вырос бы красивым парнем. Но спустя две недели ко мне пришел заплаканный Тлеукеш и сообщил, что наш друг трагически погиб в автокатастрофе.

Последний раз я горько плакал, когда потерял своего любимого брата. И вот теперь, узнав о гибели Тимура, я плакал по нему, как по родному человеку – горько и безутешно. Так из моего детства ушел еще один близкий мне человек, которого мне не хватает всю мою жизнь... Ведь таких искренних и чистых отношений, которые складываются у нас в детстве, не бывает потом никогда. Я до сих пор вспоминаю веселые глаза Тимура, его залиvistый смех, остроумные шутки и розыгрыши. Твой светлый образ всегда жив в моем сердце, мой друг!

ПОТОМКИ ЛЕНИНА

В один из дней наша учительница сообщила, что на днях нас всех будут принимать в октябрята, предупредив, что для этого все должны купить октябрятские значки. Мать купила мне такой значок в универмаге Урджара. Он имел форму пятиконечной звездочки, в центре ее было изображено лицо маленького кудрявого мальчишка – детский портрет Ленина, во все стороны от которого разбегались лучи. Эти лучи делали значок нарядным и привлекательным. Всем нам звездочки покупались в одном универмаге, были они абсолютно одинаковыми, но каждый обязательно показывал свою, новенькую и блестящую. Положив значки в портфели, мы с нетерпением ждали начала следующей недели, когда должен был состояться наш торжественный прием в октябрята.

Вместе со мной училась девочка – немка, Лена Кузьмина, она была очень симпатичной – белолицей, голубоглазой, светловолосой. Сидела Лена за первой партой, была отличницей, дисциплинированной и аккуратной. Мне она очень нравилась, и я даже сочинил для нее на русском языке свои первые стихи. Но Лена была равнодушна ко мне и игнорировала любое внимание с моей стороны. Позднее ее семья, как и семья Олешки, тоже переехала в Германию. Когда у Лены тоже появился значок, мы увидели, что он отличался от тех, что были у нас, на нем было совсем другое изображение Ильича. Наверное, ее значок был из новой серии, а наш – из прежней.

Я решил во что бы то ни стало добыть себе такой же. Мне казалось, что если у меня появится такой же значок, как у Лены, это непременно вызовет ее интерес ко мне. Времени было мало, и я активно начал поиски. Я спрашивал и проверял значки у всех родственников и знакомых. Бегал в универмаг, но все было безуспешно. Наконец я нашел то, что искал, у Меруерт, дочери Гали – нашего соседа.

Мы звали ее Микой, она была моей ровесницей, но училась в другой – казахской школе. Я молил и выпрашивал у нее заветный значок, но она была непреклонна и отказывалась меняться. Не зная, как уговорить ее, я вдруг вспомнил, как она однажды рассказывала, что очень любит ириски. Чтобы действовать наверняка, я решил купить ей целый килограмм ирисок и попросил денег у матери, но она не дала.

Я мучился, ломал голову, пытаюсь найти выход, и тут мой взгляд упал на окованный железом сундук старухи – матери Калана. Он всегда был закрыт на замок, но я знал, что старуха держала в нем запасы чая и разных сладостей. «Может, там есть и ириски?» – подумал я. Но где взять ключ от замка? На кражу я не был способен, поэтому стал искать другие способы достижения своей цели.

Так сложилось, что, живя под одной крышей, мы со старухой словно не замечали друг друга. Лишь иногда, недовольная каким-нибудь моим поступком, она бросала на меня суровый взгляд и, сердито плюнув в сторону, шла дальше. При этом старуха никогда мне ничего не говорила, и я ее ни о чем не спрашивал. Каждый жил сам по себе.

Звали старуху Мастен. Как мне рассказывали, отец Калана был известным в округе муллою. Раньше он жил со своей семьей в Китае, потом перебрался в Казахстан, но жена почему-то осталась за границей. Когда он приехал на родину, власть определила его на жительство в один из аулов Кыргызстана. В этом ауле жила красивая девушка-киргизка. Родом из зажиточной семьи, стройная и большеглазая, она притягивала к себе восхищенные взоры многих молодых джигитов. Той самой красавицей и была когда-то наша старуха. Не знаю, что было между отцом Калана и Мастен, но спустя некоторое время, когда казахскому мулле было позволено вернуться на родную землю, красавица-киргизка покинула родную землю и последовала за ним и его детьми.

Так они и жили вместе одной большой семьей, Матен пользовалась уважением среди односельчан и была хорошей женой своему мужу. Однако своих детей у нее не было. Спустя много лет Матен овдовела, но осталась жить в доме своего мужа вместе с его сыном Каланом.

Нрав у старухи отнюдь не был кротким и покорным. Бывало, когда Калан напивался до бессознательного состояния, буянил и беспокоил соседей, она в полной мере проявляла свой боевой характер. Хрупкая и маленькая по сравнению с пьяным верзилкой, она садилась на валявшегося на полу Калана и принималась бить его по лицу, изо всех сил отвешивая звонкие пощечины. Я удивлялся, как быстро эти побои приводили Калана в чувство. Трезвее с каждой пощечиной, он умолял старуху пощадить его и клялся больше не прикасаться к спиртному. О своей клятве Калан помнил недели две, в течение которых был тихим и послушным.

Лицо старухи всегда было суровым и насупленным, но в глазах, как мне казалось, таилась какая-то печаль. Зная, что она была киргизкой и давно покинула родину, я догадывался, что, оставшись без любимого мужа, она скучала по ней и по своей родне, но никогда ни о чем ее не спрашивал. Да и зачем было нарываться на лишние неприятности, ведь она меня явно недолюбливала. Однако страстное желание заполучить заветный значок напрягало мой мозг в поисках нужного решения. Придумав кое-что, я раздобыл учебник географии и стал читать все, что касалось Киргизии. Когда прочитанного стало достаточно, я, улучив удобный момент и подсев к старухе, невинно спросил:

– Скажите, апа, а вы бывали на Иссык-Куле?

Старуха удивленно взглянула на меня:

– Зачем тебе это знать?

– Нам сегодня на уроке географии рассказывали про Киргизию и сказали собрать дополнительный материал.

Я врал. Географии у нас еще не было, этот предмет изучали в старших классах, но откуда старуха могла об этом знать?

– Нет, не бывала! – мотнула головой она.

– А хотели бы поехать туда?

– Не болтай чепухи, что мне там делать?

– Апа, когда я вырасту, обязательно повезу вас туда!

– С чего это ты вдруг раздобрился? Вези лучше свою мать!

– Мне вас жалко...

– Что ты мелешь?

– Я же вижу, что вы скучаете по своим родным, поэтому и жалею.

Губы старухи задрожали, лицо сморщилось, и она, едва не плача, отвернулась от меня. Я взял ее руку.

– Иногда я слышу, как вы тихо напеваете киргизские песни, они мне очень нравятся! Я тоже хочу увидеть Киргизию и поэтому, когда стану взрослым, обязательно поеду туда вместе с вами.

Тут старуха не выдержала, слезы крупными каплями покатались по ее впалым морщинистым щекам, и она, закрыв лицо руками и всхлипывая, затряслась своим худеньким телом в беззвучном горьком плаче. От неожиданности я растерялся. Мне стало жалко старого человека и стыдно за свое вранье. В то же время я испугался, что сейчас явится Калан, увидит плачущую мать, подумает, что я ее обидел и всыплет мне как следует. Но отступить было поздно, да и некуда. Поплавав немного, старуха успокоилась, утерла рукой мокрые глаза и, глядя меня по голове, сказала подобрешим тоном:

– У тебя, я вижу, доброе сердце, сынок! Если Калан поднимет на тебя руку, не бойся, скажи мне, я покажу ему, как обижать чужого сироту!

Такого поворота я не предвидел и никак не ожидал, что в лице суровой старухи вдруг обрету своего покровителя и защитника! На душе у меня стало тепло, и я почувствовал, как к глазам подступили непрощенные слезы.

Старуха встала с места, подошла к сундуку, вытащила из кармана ключ и, отперев замок, открыла крышку. Я замер в ожидании чуда. Порывшись внутри сундука, она извлекла из его недр целлофановый пакет с ирисками и положила его передо мной на стол! Моя мечта сбылась! Старуха вновь склонилась над сундуком и вытащила из него бутылку водки. Поставив ее на стол, она достала из шкафа граненый стакан, налила до половины водкой и, запрокинув голову, залпом опрокинула ее в себя. Я молча и с удивлением наблюдал за происходящим. На минуту старуха замерла, не дыша, с зажмуренными глазами, потом выдохнула и, приобняв меня, сказала:

– Иди, сынок, поиграй на улице!

Радостный, я схватил пакет с конфетами и выбежал из дома.

Спустя несколько дней мы все собрались на торжественную линейку по случаю нашего посвящения в октябрята. С сияющим лицом я стоял недалеко от Лены, и у меня обоих на груди красовались одинаковые октябрятские звездочки!

ПИОНЕР

В пятый класс нас перевели из третьего, минуя четвертый. И в тот же год приняли в пионеры. Это событие прошло для нас как-то буднично и без особого воодушевления. Мы, конечно, с любопытством повязали на шее красные шелковые треугольники, сделавшие нас нарядней. Но к тому времени всеобщий пионерский задор ощутимо пошел на убыль, в стране назревала перестройка, и уже через год Советский Союз рухнул, оставив после себя разруху и неразбериху. Так же бесследно исчезли из школьной жизни и красные пионерские галстуки.

ЗЛОДЕЙСТВО

Это было время, когда такое мощное явление, как советская пионерия, стало вдруг стремительно исчезать из нашей действительности, как и сам Советский Союз, в одночасье прекративший свое существование. Однажды наступил день, когда мы, как и все пионеры огромной державы, неожиданно для самих себя раз и навсегда сняли красные галстуки, которые даже еще не успели толком истрепаться.

Из того периода моей жизни вспоминаю случай, происшедший с одним моим дальним родственником по имени Жексен.

Было лето, день клонился к вечеру. Набегавшись с друзьями, я возвращался домой. Недалеко от нашего дома протекала небольшая илистая и довольно грязная речушка. Я торопливо шел вдоль ее берега и вдруг наткнулся на Жексена. Увидев, чем он был занят, я сначала оторопел, но уже в следующее мгновение почувствовал, как кровь бросилась мне в голову. Негодяй, привязав веревкой к концу длинной палки молодую собаку, усердно топил ее в грязном речном потоке! Судя по всему, страдания несчастного животного доставляли ему большое удовольствие. От боли и ужаса собака таращила глаза, беспомощно дергалась в стягивавшей ее шею петле, хрипела, задыхалась и отчаянно барахталась в мутной жиже, пытаясь выбраться на берег. Наслаждаясь зрелищем и продлевая себе удовольствие, изверг время от времени прекращал топить собаку, давая ей небольшую передышку, но едва она из последних сил добиралась до берега, снова толкал ее палкой в воду, продолжая свою жуткую экзекуцию. Смотреть без содрогания на это бесчеловечное действие было невозможно, и я бросился на сидевшего ко мне спиной Жексена. Навалившись на него, я схватил его за волосы, потянул на себя и повалил на землю.

– Кто это, мать твою...?! – вскрикнул Жексен и вскочил на ноги. Он был старше меня лет на шесть и славился среди односельчан буйным нравом и драчливостью. Взглянув на меня красными от бешенства глазами, Жексен тут же размахнулся и с силой ударил меня прямо в правый глаз. От сильного удара я как подкошенный свалился наземь. Не давая мне опомниться, Жексен подскочил ко мне и стал пинать куда ни попадя. Я уворачивался, прикрывал голову руками, катался по земле и краем глаза заметил, как полуживая собака, кое-как выбравшись из реки, поплелась прочь, волоча за собой длинный курук – палку. Отпинав меня от всей души, Жексен оставил меня и бросился за собакой. Мой правый глаз к тому времени сильно распух, и я им уже ничего не видел. Но в ту минуту я совсем не думал о нем, меня беспокоила только судьба несчастного животного. Видя, что

Жексен намерен довести свое поганое дело до конца, я кое-как поднялся на ноги и, собрав все силы, догнал его и прыгнул ему на спину. Я обхватил его правой рукой за шею и стал удушающе сдавливать ему горло, но он резко дернул головой назад и больно двинул меня затылком в нижнюю челюсть. Руки мои разжались, я снова кубарем покатился вниз, но тут же вскочил на ноги и опять бросился на изверга.

– Отпусти собаку! Отпусти собаку, изверг! – кричал я, кидаясь на мучителя с кулаками, падал от его сильных ударов, но снова вставал и бросался на него.

– Да пошел ты, мать твою...! Какое тебе дело до этой собаки?! – огрызнулся тот и бил меня наотмашь, вкладывая в удары всю свою ярость и злобу.

Вконец обессилив, я опустился на грязную, влажную землю, уткнулся лицом в поджатые колени и горько заплакал от отчаяния и беспомощности. Не знаю, сколько времени я так просидел. Очнулся я, когда чьи-то руки пытались поднять меня с земли. «Мама!» – мелькнула в голове шальная мысль. Я поднял распухшее и чумазое от слез лицо, и тут мой взгляд упал на лежащую у самого берега собаку. Вскочив на ноги, я бросился было к ней, но человек, стоявший рядом, схватил меня за руку:

– Не надо, собака уже мертва. Ты ничем ей не поможешь, идем домой!

Целую неделю я провалялся дома, физически и душевно измученный событиями того страшного вечера. В какой-то момент ко мне даже приходили незнакомые старушки, которые шептали надо мной молитвы и отгоняли от меня злых духов. Возможно, благодаря и их молитвам я вскоре пошел на поправку.

Позднее мне рассказывали, что судьба Жексена так и сложилась криво-косо и привела его в конце концов за решетку на длительный срок. После тюрьмы жизнь его вовсе пошла под откос и ничем хорошим для него не закончилась.

Что касается меня, то из той давней истории я вынес для себя одну непреложную истину. Все живое на Земле – будь то птица, зверь, собака или человек – создано для жизни на этой планете. И вообще, все, что нас окружает – животный и растительный мир, природа и недра земли, все взаимосвязано между собой и имеет определенную цель и смысл. И никому не дано право бездумного истребления и уничтожения того, чем одарила нас Мать-Природа. Однако не всем дано постичь эту великую и простую истину. И тот, кто, не задумываясь ни о чем, сеет вокруг себя зло, рано или поздно будет наказан за это собственной судьбой. Не понял этого и покинувший наш мир Жексен...

ОТЕЦ ФЕДОР

В летнее время мы с Тлеукешем много времени проводили на выпасе телят, а к вечеру, когда все стадо шло обратно с пастбища, расположенного в окрестностях нашей рощи, забирали своих коров и возвращались с ними домой. Вместе с нами туда ходили многие ребята, и нам всегда было весело. Поэтому мы старались прибежать туда как можно раньше, чтобы вволю наиграться с друзьями.

В роще стояла христианская церковь. Мне всегда было интересно увидеть ее изнутри, и однажды я предложил Тлеукешу зайти в нее. Так как я учился в русской школе, среди моих друзей было много русских ребят. Дома у нас было немало книг на русском языке, в детстве я зачитывался русскими народными сказками, поэтому хорошо представлял себе характер, традиции и обычаи русского народа.

ярко и колоритно описанные в национальном фольклоре. В этих сказках часто и едко высмеивались хитрые попы, которым верил простой народ, и мне хотелось увидеть этих попов своими глазами. Дедушка Тлеукеша был верующим мусульманином, пять раз в день читал намаз и оказывал определенное влияние на своего внука. Поэтому мой товарищ сначала отказывался составить мне компанию, но потом детское любопытство взяло верх, и он согласился.

На следующий день, около полудня, мы пришли к церкви, увенчанной голубыми куполами с крестами. Робко переступив порог, мы вошли внутрь и увидели священника в длинной черной рясе с седой волнистой бородой до пояса, который строго спросил, что мы тут делаем, решив, наверное, что мы явились ради баловства. Мы объяснили, что просто хотим осмотреть церковь. Священник улыбнулся и разрешил нам побыть внутри храма, попросив только вести себя тихо.

Центральный молитвенный зал церкви оказался не очень большим. У противоположной от входа стены был расположен иконостас, над которым висела большая икона Девы Марии с маленьким Иисусом на руках. Все остальные стены были увешаны множеством икон различных святых и картинами, изображающими сцены из Библии. В храме царил приглушенный свет, зал освещался лишь пробивающимися сквозь небольшие узкие окна солнечными лучами и мерцающими повсюду зажженными свечами. В воздухе пахло сыростью и чем-то сладковато-терпким, как мы потом узнали, это был запах ладана, плавленого парафина свечей и лаванды. Посетителей в церкви в этот час было мало, лишь две старушки шептали молитвы у икон, крестились и кланялись. В этой необычной, чуждой нам церковной атмосфере мы и вправду чувствовали себя посторонними людьми.

Через некоторое время священник позвал нас в свою комнату и, усадив за большой деревянный стол, налил из большой кастрюли в тарелки горячий ароматный борщ и предложил нам пообедать. Мы не стали отказываться, потому что борщ выглядел очень аппетитным. Когда мы пообедали, отец Федор, как себя назвал священник, подсел к нам и стал рассказывать про жизнь Иисуса Христа. Рассказывал он долго и увлекательно, и мы с интересом узнавали о страданиях и испытаниях, которые мужественно переносил Спаситель во имя всех живущих на земле людей. Особенно меня тронуло жестокое распятие Христа, и я с большим облегчением вздохнул, узнав о его чудесном воскресении.

Когда мы покинули церковь, день уже клонился к вечеру, и мы, вспомнив про наших коров, со всех ног бросились домой. К счастью, все обошлось, коровы были на своих местах.

То давнее мое посещение православной церкви и рассказы отца Федора стали, по сути, моим первым знакомством с основами религии. Конечно, мы, как и наши прадеды, придерживаемся ислама, но образ и судьба Иисуса Христа не перестают волновать меня всю мою жизнь.

ПАНТОМИМА

В детстве я мечтал стать артистом. Как я уже рассказывал, еще в раннем возрасте моим любимым занятием было сочинять разные небылицы и рассказывать их не только своим друзьям, но и взрослым слушателям, которые потом одаривали меня за это разными сладостями. В школьные годы я тоже при каждом удобном случае проявлял свои творческие наклонности, активно участвовал в художе-

ственной самодеятельности и во всех общественных мероприятиях нашей школы. Дворовых приятелей я часто развлекал тем, что рассказывал в лицах какие-нибудь сюжеты из кинофильмов, подражая голосам и игре популярных актеров. Кроме того, мне очень нравился жанр пантомимы, которую я усердно осваивал, подолгу тренируясь дома перед зеркалом. Через какое-то время мне показалось, что у меня стало неплохо получаться, и я даже выступил с небольшой пантомимой на школьном концерте.

Однажды нам сообщили, что в школу на смотр художественной самодеятельности приедет комиссия районо. Председателем комиссии оказался брат моей матери, мой дядя Бахыт. С именем этого замечательного человека в нашей семье было связано много хорошего. Когда мать, овдовев, приехала в Урджар со своими детьми, нас поселил у себя ее брат Бахыт. Мы жили в его доме большой дружной семьей, без ссор и конфликтов. И если в моем, лишенном радости и счастья, детстве был какой-нибудь светлый, безмятежный период, то это были именно те годы, которые я прожил в доме своего дяди. Будучи в течение многих лет директором районной музыкальной школы, он пытался приобщить и меня к миру музыкального искусства, отправив заниматься в кружок домбристов. К сожалению, я так и не овладел толком игрой на домбре и не сумел оправдать его надежды. Дом дяди всегда был открыт для людей, и в нем часто принимали гостей, среди которых я нередко видел известных певцов и музыкантов, приехавших к нам на гастроли из Алматы. Песни и музыка звучали в нашем доме каждый день, и без них, казалось, замерла бы сама жизнь.

Мы называли его Старшим дядей, потому что с самого детства дядя Бахыт был главным помощником своей матери, заботясь о младших детях в семье. Вместе с ней он вырастил и поставил на ноги братишек и сестреноч, одних выдал замуж, других женил, помогая всем, чем только мог. Моя мать была старше его, и они всегда были очень дружны. Я нередко видел, как они, уединившись, доверительно разговаривали о чем-то.

Дядя Бахыт был весьма остроумным и находчивым человеком, так, как он, шутить не умел никто. Развеселив людей очередной шуткой, он весело смеялся вместе со всеми, и мне всегда нравился его открытый, добродушный нрав. Энергичный и трудолюбивый, он вставал очень рано и принимался подметать двор, чистить коровник, делать много других хозяйственных дел, никогда не важничая, что занимает пост директора школы. А вечерами он в обязательном порядке садился у телевизора смотреть вечерние новости, приучив к этому и меня.

– Эй, Ақош, иди сюда, будем смотреть новости! – звал меня обычно дядя и усаживал рядом с собой на диване.

Учителя, зная, что во главе комиссии будет мой родственник, поручили мне подготовить к концерту номер с пантомимой. В этой же школе работала и моя мать, которая в то время родила еще одного сына и находилась в декрете.

Конечно, преподаватели надеялись, что участие в концерте племянника повлияет на решение председателя комиссии, и школа получит хорошую оценку. В назначенный день все собрались в актовом зале, комиссия заняла свои места за отдельно стоящим столом. Начался смотр. Один за другим перед публикой выступали с подготовленными номерами наши лучшие исполнители. Дошла очередь и до меня. Я бодро выбежал на сцену и, растопырив пальцы рук, стал упираться выставленными вперед ладонями в воображаемую прозрачную стену, словно

пытался найти выход. Потом «поймал» пролетавшую мимо муху и прилепил ее к этой невидимой стене. Следующей сценкой было изображение включенного утюга, который нагревался, потом раскалялся (я надувал щеки и тужился изо всех сил, чтобы покраснеть), но, забытый хозяином, с громким шипением перегорал. Закончив выступление, я поклонился зрителям. Все дружно захлопали в ладоши, кроме дяди Бахыта, который почему-то сидел, опустив голову. После концерта его участникам стали вручать грамоты и похвальные листы. Но в списке награжденных моей фамилии не оказалось...

ДЕТСКИЙ ДОМ

Быстро и незаметно пролетали школьные годы, и вот я уже в шестом классе. У дороги, по которой я всегда ходил в школу, стоял районный детский дом. Дорога, довольно широкая вначале, тянулась прямо до этого приюта, огибала его, поворачивая налево и превращаясь в петляющую тропу. Тропа сбегала вниз к роще, там на ее пути возникал деревянный мост, за которым она продолжала свой путь, взбираясь на небольшой пригорок, на котором и стояло старое здание нашей школы.

Все годы, проходя мимо детского дома, я обращал внимание на его воспитанников, которые в основном были русскими, и замечал, что по виду они заметно отличались от детей, живших в семьях, – в них была какая-то надломленность. Мое лицо тоже вряд ли светилось счастьем, но глаза детдомовцев, когда бы я их ни видел, всегда были не по-детски грустны. Тем не менее, у меня возникало ощущение, что эти дети были хоть и ненамного, но счастливее меня.

Однажды, возвращаясь из школы, я свернул к детскому дому и, открыв входную дверь, зашел внутрь. Передо мной тянулся длинный коридор, по обеим сторонам которого располагались небольшие жилые комнаты. Двери некоторых были открыты, я вошел в одну из них и увидел довольно скудную обстановку: вдоль стен одна за другой стояли несколько кроватей, прикрытых дешевыми одинаковыми покрывалами, около каждой был небольшой шкаф, в углу у входа разместился небольшой жестяной умывальник. Комната выглядела казенной и неуютной. Вдобавок ко всему в ней был застоявшийся, спертый воздух, в котором, как мне показалось, ощущался горьковатый запах сиротства. Выйдя из комнаты, я прошел дальше по коридору и увидел столовую. За одним из столиков трое ребят пили чай с пряниками. Я приветливо махнул рукой и, подойдя ближе, подсел к ним. Тот, что был постарше, взял из тарелки пряник и положил его передо мной.

– Угощайся!

– Спасибо! – я откусил кусочек пряника и спросил: – Как вам тут живется?

– Пойдет... – коротко ответил старший.

– Почему вы здесь, у вас нет родителей?

– У всех по-разному: у кого-то отец в тюрьме, у кого-то умер, кого-то мать бросила в роддоме, а чья-то спилась...

– А я живу с матерью, – сказал и я про себя.

– Везет!

– Но я хочу к вам! Можно мне здесь пожить?

Детдомовцы удивленно взглянули на меня.

– Это надо у воспитателя спросить, – ответил один из них.

...Домой я возвращался, погруженный в раздумья и сомнения. Да, в отличие от детдомовцев, я жил дома, и моя мать была рядом со мной. Но мне казалось, что дети в детском доме были более свободны и их никто не угнетал. Дома я рассказал матери о том, что заходил в детский дом и что хотел бы жить там. Я навсегда запомнил, как моя мама после моих слов сильно призадумалась...

Но Всевышний мне уготовил совершенно другую судьбу, о которой вы узнаете в следующей главе.

Часть вторая

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОБИТЕЛЬ ПРЕДКОВ

Улица, на которой стоял дом Калана, называлась Аэродромной. Она пролегла по самой окраине Урджара и была так названа из-за близости к аэропорту. Для того, чтобы скот не забредал на взлетное поле, оно со всех сторон было огорожено глубоким рвом, где мы любили устраивать свои игры и забавы. Забравшись в укрытие рва, мы разводили небольшой костер и на его углях пекли картошку, там же тайком и неумело курили свои первые сигареты. На краю рва мы выставляли караульного, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Караульные менялись, если кончались сигареты, чтобы раздобыть новые, или чтобы поесть испеченную картошку. Однажды, когда я с друзьями, как обычно, удобно расположившись во рву, стал прикуривать сигарету, караульный поднял тревогу: «Сюда идет жена Башона Шынар!» Мы поспешно затушили курево, вылезли наверх и увидели, как к нам торопливо, помахивая прутом в руке, приближалась Шынар, невестка Калана. Это была рослая, мужиковатая женщина, такая же смуглолицая, как ее свекровь Мастен. Громкоголосая и грубая, она тоже, как и Калан, не упускала случая пристукнуть или больно ущипнуть меня. К счастью, они с мужем жили отдельно от нас, и я старался по возможности избегать наших с ней встреч, не суливших ничего хорошего.

Увидев нас, столпившихся на краю рва, она заорала во все горло: «Где ты шляешься, чертова сирота?! Бегаю, ищу тебя везде! И что ты делаешь среди этих хулиганов?!» Подскочив ко мне, Шынар схватила меня за руку и, не выпуская ее из своей, потащила в сторону дома. Как оказалось, это моя мать попросила ее найти меня.

– Где тебя носит целый день? – спросила мать, увидев меня.

– С ребятами играл около аэродрома.

– Врет он все! Сидел там с хулиганами в сизом дыму, наверняка анашу курил! – с уверенным видом бросила Шынар.

– Ну что ты выдумываешь? – укоризненно взглянула мать на невестку. – Мой сын не то что анашу, даже простую сигаретку в рот не возьмет! Не надо зря на него наговаривать!

Презрительно скривив губы и метнув в меня недовольный взгляд, Шынар отошла к стоявшей в тени под деревом старой железной кровати и плюхнулась в нее всем своим грузным телом.

Мать завела меня в дом и стала рыться в шкафу. Она вытаскивала из него мою одежду, разглядывала одну за другой каждую вещь, потом, положив все обратно, устало опустила на стул, внимательно посмотрела на меня и сказала:

– К нам из Шубартау приехали родственники твоего отца, хотят повидаться с тобой.

Я удивился, какие такие родственники, почему я их не знаю? Мать притянула меня к себе и обняла.

– Они приехали сегодня утром, остановились у Бахыта и ждут, когда ты приедешь. Надо приодеть тебя, дома ничего не нашлось, пойдём в магазин, купим что-нибудь и поедём к Бахыту.

В голосе матери я чувствовал волнение.

– Кто эти родственники, мама?

– Старший брат и сестра твоего отца. Сынок, скажи им, что тебе тут живётся неплохо и с учебой у тебя тоже все хорошо, ладно?

– Ладно, мама.

В универмаге мать купила мне новые брюки и футболку с тигриной мордой на груди. Я с удовольствием оглядел себя в зеркале. Хотелось тут же выскочить на улицу и покрасоваться в обновке перед своими приятелями. Но времени на это не было, меня ждали родственники. Ладно, успеется! – подумал я.

Мы с матерью быстро собрались и вскоре приехали к дяде Бахыту. Подойдя к дому, мы услышали за дверью чью-то громкую ругань. Мы осторожно вошли внутрь. В глубине комнаты за столом сидели несколько человек. Один из них – пожилой мужчина коренастого сложения, не обращая на нас внимания, стучал кулаком по столу, матерился и орал на сидевших рядом с ним людей. Перешагнув порог, я растерянно остановился у двери, не решаясь идти дальше.

Оказалось, что это и был старший брат моего отца, которого звали Орынгали. Его большая голова с поредевшими седыми волосами и оттопыренными ушами сразу переходила в толстый, складчатый, красный и потный от крика и напряжения загривок, круглые выпученные глаза метали молнии, а рот, изрыгая ругательства, не закрывался ни на минуту. Короткий расплющенный нос не добавлял красоты широкому полному лицу, а слишком тонкие для такого лица губы говорили о его жестком характере. Орынгали был приземистым крепышом с увесистым кулаком, тяжелые удары которого то и дело сотрясали обеденный стол.

– Эй, негодная, где твой сын?! – заметив вошедшую мать, громко и сердито спросил он.

– Вот он, стоит перед вами, Ореке! – мать подтолкнула меня вперед.

– Кто этот бледнолицый заморыш?! – выпучил на меня глаза Орекен.

– Это наш Акберен, Ореке...

– Ойбай, ойбай! Мне это снится или я действительно вижу полуживого щенка?!

Да он такой тощий, что едва на ногах стоит!

– Он же еще маленький, Ореке, бегают все время...

– Заткнись и иди отсюда, негодная! Вижу, совсем уморила голодом нашего мальчишку! Вот доберусь до всех вас, сгною в тюрьме, узнаете, что такое голод, негодяи!

– Не говорите так, успокойтесь, пожалуйста!

– Хочешь, чтоб я успокоился?! – в приступе злобы Орынгали наклонил голову и дважды с силой стукнул ею об стол. – Вот тебе, попробуй, успокой меня!

От увиденного я испуганно попятился назад.

Тут Ореке обратил на меня неожиданно подобревший взгляд и со словами:

– Иди ко мне, айналайын! – схватил меня за руку.

Я в ужасе заорал и рванулся к матери, но Ореке так сильно сжимал мою руку, что, казалось, раздавит ее. Сердце мое колотилось и готово было выпрыгнуть из груди. Я дергался, пытаюсь вырваться из железной лапы Ореке, но он, не обращая внимания на мои вопли, притянул меня к себе, обнял и облобызал все мое лицо слюнявыми губами. Потом я оказался в объятиях сестры отца Жайны, которая тоже несколько раз поцеловала меня, но в отличие от противных поцелуев отцовского брата, ее поцелуи были нежными и приятными. После Жайны меня принял в свои объятия сын Ореке Айдархан – высокий симпатичный парень. На нем были модный по тем временам спортивный костюм «Адидас» и красивая кепка, а на руке хорошие часы.

Айдархан мне понравился. Он умел расположить к себе и сразу нашел со мной общий язык. «Поедешь с нами?» – спросил он меня. С опаской взглянув на Ореке, я отрицательно мотнул головой, но он стал уговаривать меня, обещая много чего хорошего в новой жизни. Судя по его словам, она должна была стать для меня лучше и интересней нынешней. Однако я побаивался Ореке, который казался еще более сумасшедшим, чем Калан.

Решающим аргументом для моего согласия стало обещание Айдархана показать мне Алма-Ату. Столицу мы тогда видели только по телевизору, а люди, жившие в этом прекрасном городе, казались нам какими-то небожителями! И, конечно же, увидеть Алма-Ату было моей самой большой и заветной мечтой! К тому же я знал, что это был мой родной город, в котором я родился, и меня тянуло к нему, вероятно, еще и это кровное родство. В конечном итоге, после недолгого упрямства, я согласился ехать с родичами отца. Как я потом узнал, именно с этой целью – забрать меня к себе – Орынгали и приехал к моей матери. Уладив свою непростую судьбу, он решил взять на себя заботу и о детях своего покойного брата.

Я не зря назвал его судьбу непростой. Жена Ореке умерла совсем рано, оставив мужа с маленькими детьми на руках. Мужественно приняв на себя жестокий жизненный удар, Ореке поразмыслил и решил посвятить всю свою жизнь лишь воспитанию детей. Он взвалил на себя все заботы о семье, стал в ней и отцом, и матерью. Будучи районным заготовителем, проводя дни на колесах, он, не покладая рук, сутки напролет трудился в своем хозяйстве, чтобы прокормить и поставить на ноги своих детей. Благодаря этому семья Орынгали никогда ни в чем не нуждалась, во дворе всегда стоял сытый скот, а в доме был полный достаток. Среди земляков Ореке всегда пользовался авторитетом и был одним из самых уважаемых людей района. Всю трудовую жизнь он неустанно колесил по всему району, заезжал в самые отдаленные уголки к чабанам, собирая шкуры, шерсть и кости забитого скота. Благодаря его усердию и неустанному труду районная заготконтора, которую он возглавлял, всегда была на хорошем счету.

Прошли годы, достигнув преклонного возраста, Ореке вышел на заслуженный отдых и стал проводить свои дни в домашних хлопотах, радуясь общению с родными в кругу большой и дружной семьи. Некоторым его детям мой отец при жизни помог поступить в столичные вузы. Кто-то из них после окончания учебы остался жить в Алма-Ате и проживал в нашем доме.

В конечном итоге мать, всхлипывая и утирая слезы, собрала мои вещи и, благословив меня, проводила в путь-дорогу. И я вместе с отцовской родней отправился в Шубартау, на родину своих предков. Мы долго ехали на выцветшем желтом «пазике» по раскинувшейся до самого горизонта такой же желтой степи.

Я молча смотрел в окно на обожженную степным зноем траву, на мелькавшие за окном кустарники, невысокие сопки и думал о той жизни, которая оставалась теперь далеко позади. Я никому ни словом не обмолвился о том, как мне жилось с Каланом, но, как потом выяснилось, много повидавший на своем веку Орекен порасспросил своих знакомых о Калане и уже сам кое-что знал об этом. Поэтому позднее мне пришлось ответить на некоторые его вопросы. С первых же дней я стал называть брата отца Орекен-ата. По дороге в Шубартау, спустя некоторое время, он спросил меня, кем бы я хотел стать, когда вырасту.

– Чабаном! – не задумываясь, ответил я.

– Как это – чабаном?! – возмущенно воскликнул ата. – Почему?!

– Посмотрите, как они богато живут! Если зарежут барана – получают много мяса, если продадут – получают много денег!

– Ну разве это мечта? – огорченно покачал головой ата. – Ох, боюсь, ничего путного из этого оболтуса не выйдет! Вижу, не в отца он уродился, не в отца!

Как позднее рассказывал сам Орекен, мой отец с раннего возраста был смышленным и любознательным ребенком, много читал и стремился к знаниям. Первое высшее образование, в качестве преподавателя казахского языка и литературы, он получил в Семипалатинском педучилище им. Мухтара Ауэзова. Там же во время учебы он познакомился с моей матерью, с которой вскоре создал семью. Единственной опорой отца тогда был его старший брат Орынгали. Отца же моего звали Орынбек. Позднее, благодаря его покладистому характеру, друзья-приятели дали ему накрепко приставшее прозвище Елгезек, что означает «послушный, чуткий, участливый». После учебы отец работал в родном ауле редактором районной газеты «Рассвет Шубартау». Затем была служба в армии, после которой он уехал в Алма-Ату. Там он поступил в КазГУ на факультет журналистики, на который мне, спустя многие годы, не удалось поступить и который так и остался моей несбывшейся мечтой!

Наконец мы приехали в аул Коктал Шубартауского района. Стоял август месяц. Я был тогда щупленьким, тщедушным мальчишкой десяти лет от роду. Все новые родственники были ко мне приветливы и добры, никто на меня не повышал голоса и не трогал даже пальцем. Чтобы увидеть меня, в дом то и дело приходила многочисленная отцовская родня, соседи и друзья семьи. Меня обнимали, гладили по голове, говорили разные теплые, приятные слова. Да что там – в те дни я был там настоящей знаменитостью! Меня угощали разными вкусностями, я мог есть вдоволь все, что захочу, мне покупали и дарили красивые обновки! Никогда прежде не видевший такой всеобщей любви и заботы, я был счастлив и очень доволен случившимися переменами в моей сиротской жизни!

Чтобы не утомлять читателя, я не стану рассказывать о своей, сбывшейся наконец, поездке в Алма-Ату. У каждого, кто знает этот чудесный город, есть своя Алма-Ата, поэтому думаю, что мои впечатления о ней вряд ли кому-то покажутся особенно интересными.

ДЕТИ ОРЫНГАЛИ

У Орынгали-ата было семеро детей – две дочери и пять сыновей. Когда я приехал к нему жить, четверо сыновей были женаты, таким образом, у меня было четыре женге, так называются у казахов жены старших братьев. О них, и о пришедшей в дом пятой женге, я расскажу чуть позже.

Вторым по старшинству следовал Айдар-ага, сын младшей сестры Орекена. По неизвестным мне причинам он вырос на руках своего дяди и был для нашего ата как старший сын. Именно Айдар, окончив исторический факультет КазГУ, остался в Алма-Ате и стал жить в доме моих родителей. Со временем он поменял род занятий и занялся торговлей. Айдар производил впечатление сурового, неразговорчивого человека, но, тем не менее, охотно и живо общался с приятными ему людьми.

После Айдара следовал Айдарбек – первенец ата, но считавшийся вторым из его детей. Он тоже, как и ата, не отличался внешней привлекательностью и выглядел даже старше своего отца. Его жирные волосы едва не достигали плеч, но это отнюдь не было данью длинноволосой моде. Пропадая от зари до позднего вечера на работе, Айдарбек просто не находил времени для стрижки. Ранней весной, перед началом весенней страды, он всегда обривал голову наголо и потом до самой осени уже не думал о своих волосах. Так продолжалось из года в год, и все давно привыкли к этой его странной особенности. Разговаривая, Айдарбек слегка заикался, но при этом был общительным, добродушным и трудолюбивым человеком. Самой большой страстью и лучшим другом в его жизни был любимый трактор К700, которому он с удовольствием отдавал все свое рабочее и свободное время. Может быть поэтому, несмотря на то, что ему уже минуло тридцать лет, он все еще не был женат.

Иногда разговор Айдарбека с отцом выглядел так.

– У нашего соседа ккккк... – начинал он что-то рассказывать.

– Дети, что ли, приехали? – подмигнув мне, принимался подшучивать над сыном Орекен.

Отрицательно мотнув головой, тот продолжал:

– Кккккк...

– Колодец высох?

Айдарбек опять отчаянно мотал головой, сиюсья произнести очередное слово.

– Кккккк....

– Корова со двора сбежала? – едва сдерживая смех, не унимался отец.

– Да, нет! У него кккккк....

– Кудалык, что ли, ожидается? – сжалился наконец Орекен, который, конечно же, был в курсе последних новостей.

– Да! – радостно и облегченно кивал головой Айдарбек.

– Так бы сразу и сказал! – улыбался ата и ободряюще хлопал сына по плечу.

Мы, наблюдавшие за этим розыгрышем, принимались весело хохотать, зная, что Айдарбек никогда не обижался на безобидные шутки отца.

За Айдарбеком следовал уже известный читателю Айдархан, уговоривший меня на этот переезд. Айдархан был самым смышленным и деловым среди детей Орынгали-ата. Закончив биофак КазГУ, он получил диплом учителя биологии, но тоже занимался торговлей вместе со своим братом Айдаром. Был женат, обладал добрым, отзывчивым характером, большим трудолюбием, всегда и во всем помогал своим младшим братьям и сестрам.

Младшим после Айдарбека был Аскар – рослый, статный джигит. Его я любил больше всех за открытый, веселый нрав, доброту и широту души. К сожалению, он рано ушел из жизни, и я нередко с большим теплом вспоминаю нашу с ним дружбу. Аскар тоже отличался огромным трудолюбием и старательностью и не до-

верял свою работу кому-то другому. Например, в его отсутствие никто не решался браться даже за уборку нашего двора, потому что угодить ему было невозможно, и он все равно все делал по-своему. Порой он напоминал робота, настроенного на круглосуточную работу. Отработав весь день в совхозе, он возвращался домой и, наскоро поужинав, принимался наводить порядок во дворе или в хозяйственных постройках. Аскара легко было рассмешить, и мы часто слышали его громкий веселый хохот, но окружающие смеялись не столько над его байками, сколько вслед его гортанному, раскатистому смеху, похожему на лошадиное ржание. Мне было легко и весело общаться с Аскарком, хотя он был простоватым, не особо образованным человеком, не понимавшим серьезных разговоров и похожим по своему простодушию на большого ребенка.

А вот о младшем сыне Орынгали-ата – Жалыне, разговор пойдет особый. Это имя ему при рождении дал мой отец. Был он милиционером и так гордился своей формой, что ходил в ней даже дома. Жалын тоже был смешлив, но смеялся в отличие от Аскара тонким писклявым смехом и часто невпопад. У Жалына были светлые, будто выцветшие, волосы, брови и ресницы, и оттого его лицо выглядело каким-то тусклым и бесцветным. Его сознание и развитие остановились примерно на уровне восьмого класса, что совсем не мешало ему успешно использовать свою службу для жизненного удобства. Он женился в тот самый год, когда я приехал в Шубартау.

Помню, как однажды, после этапирования каких-то преступников из Баршатага в Аягуз, Жалын вернулся домой слегка подвыпившим. Это не прошло мимо внимания его отца, который, заметив состояние сына, обрушился на него с кулаками и руганью.

– Я работник органов, и никто не имеет права поднимать на меня руку! – начал кричать Жалын, защищаясь руками от отцовских тумаков.

Эти слова еще больше рассердили Орынгали-ата.

– Этого негодного работника органов породил я! Иди, подавай на меня в суд, мерзавец! – ругался он на сына.

Видя, что отец не на шутку разгневался, Жалын понял, что ему лучше замолчать и поскорее улизнуть в свою комнату.

Как я уже говорил, Жалын был младшим из сыновей Орынгали, следом шли дочери. Старшей была Закен. Ей было немногим за тридцать, но она выглядела как старуха. Ее потемневшее от летнего зноя лицо было осунувшимся, со множеством преждевременных морщин, ходила она почему-то сгорбившись, шаркающей походкой. По неизвестной мне причине у нее выпали почти все зубы, и потому ее рот был заполнен золотыми протезами. Такие расходы она вполне могла себе позволить, потому что тоже занималась торговлей. Отличалась Закен от братьев непомерной скупостью и, наверное, поэтому жила заметно богаче. Кроме того, она была замкнутой, неулыбчивой женщиной, и я не помню, чтобы она дружила или хотя бы общалась с кем-нибудь из аулчан.

Младшую из сестер звали Дакен. Она тоже была невзрачной и тоже выглядела значительно старше своих лет. Однако характером напоминала Аскара, была такая же добродушная, общительная и улыбкавая. Позднее она вышла замуж, уехала к мужу в какой-то аул, и мы больше ничего о ней не слышали. Помню только, что Дакен не выговаривала две буквы, «р» и «с», и поэтому разобрать, что она говорила, было совсем просто.

Всех своих детей холил и растил, не жалея сил и времени, заботливый и трудолюбивый отец. Теперь, когда они выросли и стали взрослыми, в доме установился негласный, но твердый порядок: все сыновья и их жены завтракали, обедали и ужинали вместе с отцом за одним дастарханом. Проводив мужчин на работу, женщины принимались за домашние хлопоты, готовили еду, а вечером, поужинав вместе большой, дружной семьей, расходились по своим домам. Утром все снова собирались у отца, и все продолжалось, как обычно.

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ ОРЫНГАЛИ

У матери Орынгали было пятеро детей. Ее первый муж – отец Орекена и его сестры Какен – погиб на войне, оставив молодую жену с двумя детьми на руках. Как мне рассказывали, наша бабушка в молодые годы была красивой, энергичной женщиной. Так вышло, что спустя некоторое время она вышла замуж за моего деда, у которого к тому времени уже была семья. Женившись вторично, он, тем не менее, всю жизнь заботился о своей первой семье, помогая ей всем, чем только мог. Сам он происходил из некогда зажиточного байского рода, а один из его предков в прежние годы был даже волостным. Когда дед, получив ранение на войне, вернулся домой, руководство района поставило его руководить достаточно крупной совхозной фермой, работал он успешно и был в родных местах уважаемым и авторитетным человеком. Во втором браке у моих предков родились трое детей – мой отец и две его сестры – Кенжесаркыт и Жайнагуль. Однако Кенжесаркыт ушла из жизни очень рано. Закончив школу с золотой медалью, она готовилась к поступлению в институт, но трагически погибла, утонув при купании в реке. Таким образом, в детстве Орынгали, как и я, тоже воспитывался отчимом. Однако, как он сам мне потом рассказывал, ему никогда не доводилось испытать и пережить то, что выпало на мою сиротскую долю.

Младшая сестра отца Жайнагуль была образованной, грамотной женщиной с богатой и красивой речью. Она обладала прямолинейным характером, говорила все в лицо без обиняков, что, конечно, не всем и не всегда было по нраву. У нее подрастали три дочери, две из них были близки мне по возрасту. Муж Жайнагуль, мой жезде, был мастером спорта по боксу. В свое время он занимал призовые места на многих районных соревнованиях и поэтому был широко известен среди своих земляков, которые любили его не только за спортивные достижения, но и за открытый, добродушный характер. Он был весельчаком и душой компании, имел много друзей и приятелей.

Орекен очень любил младшую сестру и ее семью и всегда был готов оказать им любую помощь. Эта любовь была взаимна, и Жайнагуль, хоть и жила со своей семьей отдельно, практически каждый день бывала в доме своего брата.

Совсем другой была старшая сестра Жайнагуль Какен. За ее вид и характер я называл ее «коброй». Какен была высокой, худощавой, слегка сутулой женщиной с длинной жилистой шеей. Надменная, вечно всем недовольная и сварливая, она сильно отличалась нравом от своих братьев и сестры. Какен любила носить крупные, тяжелые золотые серьги, из-за которых мочки ее ушей со временем стали вытянутыми и некрасивыми. Помню, как в жаркие летние дни эти увесистые серьги прилипали к ее вспотевшей шее вместе с мокрыми от пота прядями во-

лос. В семье Какен побаивались, снохи при ее появлении умолкали и старались лишний раз не попадаться ей на глаза. Не подбирая выражений, Какен могла накричать на них за любой пустяк, придираясь ко всему, что делалось в доме. Помимо прочего, она любила давать каждой из снох обидные клички и редко называла их по именам.

У Какен было три сына и три дочери. Все они получили жесткое материнское воспитание и выросли такими же колючими, грубыми, цепкими людьми во всем преследующими личный интерес. В детстве все дети росли бок о бок друг с другом и были дружны, но со временем, став постарше, дети Какен стали завистливыми, в их поведении по отношению к детям Орекена начало проявляться соперничество. Орынгали всегда баловал своих детей, покупал им красивую, модную одежду, приносил домой разные вкусности, которыми мог похвастать не каждый ребенок. Не были обделены и его племянники, про которых он никогда не забывал. Хотя, возможно, родным деткам от заботливого отца перепадало немного больше. Свадьбы взрослым детям Орекен тоже справлял красивые, не жалея ни сил, ни средств, чего нельзя было сказать о свадьбах детей Какен – скудных и невеселых. В итоге между двоюродными братьями и сестрами возникли неприязненные отношения, в основе которых были зависть, ревность и соперничество.

РОДСТВЕННАЯ НЕПРИМИРИМОСТЬ

С годами нарастающее напряжение между молодежью сильно испортило и взаимоотношения их родителей, что нередко стало приводить к шумным скандалам между родственными домами. Признаюсь, мне тоже доводилось принимать участие в этих конфликтах. Со временем ссоры между родичами превратились в обыденное явление, а поводов для вспышки очередной из них всегда было более чем достаточно. К примеру, если в семье Орынгали намечался какой-нибудь той, то ни Какен, ни ее детей никто не приглашал. Однако, чтобы донести новость до их ушей, о предстоящем торжестве говорили со всеми родственниками и на каждом углу. Этого вполне хватало, чтобы Какен и ее домочадцы, явившись в наш дом с воинственным видом, поднимали с порога шум-гам, предваряя радостное застолье очередным громким скандалом.

Расскажу об одном таком случае. Однажды летним днем в нашем доме собрались отмечать торжественное событие, связанное с церемонией обрезания сына Жалын-ага. В связи с этим я получил ответственное задание – пойти к ближайшей соседке Какен Нурзиле и пригласить ее в гости, однако сделать это так, чтобы Какен все слышала. Не мешкая, я побежал к дому Нурзили и, не заходя внутрь, встал у открытой входной двери и закричал:

– Нурзилия-апа! Сегодня у нас будет той по случаю обрезания сына Жалына-ага, наш ата зовет вас в гости! Приходите!

– Спасибо, айналайын! – отозвалась выглянувшая из дома Нурзилия. – Во сколько приходите?

– В трии! Не забудьте, той в три часа! – громко повторил я, заметив вышедшую во двор своего дома Какен.

– Не забуду, сынок, не забуду! – отвечала польщенная приглашением соседка, которую наверняка удивило неожиданное внимание со стороны нашей семьи.

Вернувшись домой, я доложил ата об успешно выполненном задании.

– Уверен, что Какен все слышала? – спросил он меня недоверчиво.

– Уверен, потому что она вышла во двор!

– Молодец, сынок! А время сказал?

– Сказал, чтоб в три пришла!

– Иди, предупреди старших, чтоб к половине третьего готовы были к скандалу!

Как я уже говорил, подобные заварухи стали для нас привычным делом. Сразу

после двух часов дня ата собрал нас на «инструктаж».

– Не стойте подобно сонным мухам, как в прошлый раз, будьте поживее! – настаивал он нас строго. – Айдарбек, помнишь, где твое место? Ты у нас боевой, крепкий джигит, возьми себе в поддержку Мурата, а не хилого Болата, понял?

– Понял!

– Ты, Аскар, берись сегодня за Асхата. Бей его сразу вот этой цепью по спине, а дальше видно будет.

– Хорошо, отец!

– Акош, – повернулся ко мне ата, – приготовил камни?

– Да!

– Целься точнее, а то опять попадешь в своих! Чтобы лучше прицелиться, походи ближе и бей по ногам! Смотри – выбьешь кому-нибудь глаз, пойдешь под суд! А я возьму на себя родителей этих мерзавцев! Если один не буду справляться, бегите мне на подмогу!

Обсудив с нами тактику и стратегию предстоящей схватки и решив перед ней хорошенько взбодриться, ата ушел пить чай.

Спустя немного времени во двор вбежал запыхавшийся и взъерошенный мой дружок, которого я попросил быть на страже и следить за появлением «неприятеля».

– Они идут! Готовьтесь! – радостно сообщил он, предвкушая захватывающее зрелище.

Я в свою очередь поспешил сообщить о приближении разъяренных родственников ата. Услышав шум, из ближайших домов на улицу начали выходить соседи. Вскоре и наша группа в боевой готовности уже стояла за воротами. Наконец в начале улицы показались родичи, торопливо направлявшиеся к нашему дому. Впереди, с развевающимся от быстрой ходьбы подолом платья, вышагивала предводительница отряда Какен. Рядом, стараясь не отставать, семеня ее муж Толеугали. Обычно спокойный, он в подобных ситуациях, видимо, вспоминал свою драчливую молодость и, засучив рукава, вставал плечом к плечу со своей скандальной женой. Следом за ними, сжав кулаки, шли их вечно агрессивные и задиристые сыновья. Приблизившись, Какен, как обычно, начала скандал с грозного окрика:

– Эй, ты, старый болван, опять забыл позвать свою единственную сестру?! У тебя много сестер, что ли?! Как можно забыть про меня?! Чтоб тебе никогда не видеть счастья своего внука!

– Мой той – кого хочу, того зову! Не ори на всю улицу и иди отсюда! – ответил ей ата.

– Ах, вот как?! Сейчас получишь у меня, старый дурак!

Подскочив к брату, Какен схватила его за ухо. Тут же со всех сторон раздались громкие крики, и мы как по сигналу ринулись на своих обидчиков.

Очередная схватка оказалась короткой и закончилась, благодаря тактическим и стратегическим советам Орекен-ата, нашей безоговорочной победой. Мой вклад в эту победу на этот раз был довольно заметным, потому что я метал камни прицельно, попадал точно по ногам неприятеля и контузил не одного из них. Мы успели прогнать своих недругов до прихода гостей, но по нашему потрепанному виду нетрудно было догадаться о происшедшем. У одного был распухший нос, у другого кровоточила рассеченная губа, кто-то прихрамывал, у кого-то болела рука. Ата же был доволен исходом сражения. И хотя одно его ухо было багрового цвета и оттопыривалось еще больше, а щека явно распухла, у него был абсолютно геройский вид.

После тоя, проводив всех гостей, снохи накрыли для нас перед гаражом отдельный небольшой дастархан. С довольной улыбкой ата обошел своих сидящих за столом сарбазов, обнимая и целуя каждого из нас, хваля за мужество и героизм, проявленные в схватке с незваными гостями. Слушая похвалы «командира», мы тем временем с аппетитом уминали еще не остывшие пышные баурсаки и сочный ароматный бешпармак.

Однако не из всех подобных скандалов мы выходили победителями. Иногда, когда на помощь Толеугали приходили его племянники – сыновья старшего брата Мэлса, победа доставалась нашим недругам. И тогда ата был страшен в своем гневе. Он кричал на нас, ругал на чем свет стоит и в сердцах мог даже отвесить кому-нибудь пару тяжелых оплеух. Вот таким был наш ата!

МОИ ЖЕНГЕ

В своей жизни мне довелось повидать много разных женгешек. Все они были очень разными, и каждая представляла собой особенный и своеобразный мир!

Помню смуглолицую и кроткую женге Гульгайшу, которая обладала небольшим пророческим даром. К сожалению, год назад она ушла из жизни, мир праху этой замечательной женщины! Она была необыкновенно добрым и отзывчивым человеком и всегда готова была помочь каждому, кто в этом нуждался. Гульгайша была женой Айдарбека. Женившись довольно поздно, Айдарбек нашел именно ту женщину, которая была ему нужна, и Орекен, всегда моливший Создателя послать сыну хорошую жену, был очень доволен этим выбором. Какен, раздававшая невесткам разные клички, называла ее «короткохвостой волчицей». Гульгайша родила мужу двух сыновей и двух дочерей, но не достигнув и сорока лет, скончалась от острого сердечного приступа, оставив безутешного мужа с четырьмя малыми детьми на руках. Я не смог проводить любимую женге в последний путь и до сих пор очень сожалею об этом. Она всегда относилась ко мне с большим теплом и часто говорила окружающим: «Увидите еще, каким большим человеком станет мой Акош!»

Жену Аскара, сухопарую, капризную женщину с холодным выражением лица звали Назигуль. За строптивость и упрямство ей больше всего доставалось от нашего ата. Ее Какен называла «черной железкой». При всей худощавости, у Назигуль были крупные, сильные руки, и она предпочитала больше работать в поле или во дворе, нежели заниматься домашними делами. Не похожая внешне на казашку, она почему-то всегда казалась мне случайно оказавшейся в наших краях калмычкой.

Следующая моя женге – Галия – была женой Жалына. Родилась она близ Алматы в Талгарском районе, была пухленькой и спокойной по характеру. Однако, несмотря на свое спокойствие, Галия из всех стычек между невестками всегда выходила победительницей. Во время вспыхивавших время от времени между женщинами ссор, искрой для которых мог послужить любой пустяк, Галия никогда не орала и не визжала, как это делали другие, ее вообще не было слышно. Но каким-то неведомым образом она умела усмирить одну, заткнуть другую и неизменно оказывалась в наилучшем положении. Главной ее противницей всегда была Назигуль, которая при каждом удобном случае цепляла Галию, придиралась к ней, провоцируя очередной скандал. И всякий раз Галия без лишних слов и шума умела постоять за себя и нейтрализовать неугомонную задиру. Так же молча и усердно она выполняла любую работу, за какую бы ни бралась, и заслужила от Какен кличку «уйгурка», по-видимому, связанную с местом ее рождения.

Самую красивую из моих женге, в которую был влюблен не только собственный муж, но и почти весь аул, включая и старейшину нашего дома, звали Айгуль. «Татарка», как ее называла Какен, была родом из Талдыкоргана и преподавала в нашей школе арабский язык. В школе к ней тоже относились как к прекрасному и редкому цветку – восхищенно и уважительно. А Орекен-ата, от которого доставалось всем невесткам, перед Айгуль становился похожим на послушного ребенка. Ох, не зря говорят: «Красота – сильное оружие»! Не помню, чтобы ата хотя бы разок был сердит на свою красавицу-сноху. В доме только она одна умела развеселить его, когда он был хмурым и чем-то недовольным. А как Айгуль умела готовить! Такого плова и лагмана, которые делала наша любимица, я больше нигде не ел и вряд ли еще где-нибудь попробую.

К сожалению, спустя некоторое время Айгуль уехала в Алматы. И хотя ата не хотел, чтобы она уезжала, муж, который работал в столице, очень скучал по любимой жене и однажды приехал и увез ее с собой.

С отъездом Айгуль в нашем доме стало больше ругани и склок, зато меньше тепла, порядка и единодушия. Ата все реже бывал в хорошем настроении и все чаще сердился и ругался, придираясь к каждой мелочи. Отчитывая своих снох, он часто ставил им в пример свою любимую невестку, что всегда их злило и раздражало. Меня никто из них не любил так, как любила Айгуль, не пытаюсь даже понять чувствительную и ранимую натуру нового и далеко еще не взрослого члена семьи. А к моей неизбывной тоске по матери добавилась еще и тоска по покинувшей нас Айгуль. После ее отъезда прошло совсем немного времени, и однажды ата, решив навестить молодых, засобирился в Алматы. Потом эти поездки стали происходить все чаще, и я, провожая ата в дорогу, каждый раз завидовал тому, что он повидается с теми, кого я тоже любил всем сердцем и по кому тоже все время скучал.

МАЛЕНЬКИЙ ЧАБАН

С двадцать пятого мая по тридцатое августа я каждое утро отправлялся на летнее пастбище – жайлау пасти отару овец. Жайлау располагалось в трех километрах от нашего аула, неподалеку от рощи Сарытайпак. Надо сказать, что природа Шубартау больше располагала к животноводческой деятельности, нежели к земледелию. Здесь земля была совсем другая, и в этих местах не росло так много

ягод и фруктов, как в Урджаре. Зато просторы Шубартау были устланы пышным ковром степного разнотравья, над которым разносился терпкий и знакомый каждому запах полыни. Здесь по бескрайнему раздолью носились многочисленные стада сайгаков, по зеленым холмам и предгорьям тут и там паслись резвые горные архары, а в небе над всем этим великолепием летали стаи птиц, гордо парили орлы, высматривали себе добычу хищные беркуты и ястребы. Здесь было чем прокормиться домашнему скоту, дикому зверю и мелким грызунам.

В советские годы Шубартауский район, в котором насчитывалось девять крупных совхозов, был одним из самых известных животноводческих регионов Казахстана. На этой благословенной земле родилось немало талантливых поэтов и писателей, ученых и артистов, героев труда и руководителей республики.

Распад советской страны в девностые годы прошлого столетия и последовавшая за ним тотальная разруха катастрофически отразились на жизни аулчан. Сохранить материальное благополучие удалось лишь тем, у кого, как у Оркена-ата, было достаточно много своего личного скота. Наша отара, которую я пас несколько лет, насчитывала, без учета ягнят и козлят, более трехсот баранов и овец, крупный рогатый скот, принадлежавший семье, составлял около двадцати с лишним голов, а на пастбищах паслись еще два косяка лошадей, в каждом из которых было десять-пятнадцать жеребцов и кобыл. Каждый год эти кобылы давали немало молока для получения из него десятков литров свежего ароматного кумыса. Живя в Шубартау, я питался полезной натуральной едой – пил кумыс, лакомился подсоленными шариками сушеного курта, ел свежее мясо, дышал чистым степным воздухом и поэтому был крепким и закаленным аульным подростком. В живописных местах Шубартау прошло мое отрочество, там началось и мое взросление.

В ту пору мне было уже пятнадцать. Приехав к родственникам отца в двенадцать лет, я обрел совершенно иную, неведомую мне ранее, жизнь. Я ел досыта и что хотел, меня никто не унижал, и я был благодарен Создателю, что моя жизнь изменилась к лучшему. Именно в эти годы происходило формирование моей личности и осознание себя как сына своего народа. У меня за плечами имелся хороший опыт уличных потасовок, и на новом месте я опять был в лидерах среди дворовых мальчишек. С учебой тоже все ладилось. Соседи, зная, что я каждое лето помогаю ата пасти овец, нередко ставили меня в пример своим детям, что тоже льстило моему самолюбию. И для этого имелись все основания.

Дело в том, что на жайлау ата каждый день поднимал меня в пять часов утра. Надо ли объяснять, что для любого из нас это время самого сладкого сна? Даже старики, которым достаточно прикорнуть всего лишь на пару-тройку часов, спят в эти предрассветные часы под теплым бочком у своих старушек самым крепким сном! А я послушно вскакивал, выпивал наскоро пиалу прохладного айрана и, взвалив на спину седло, выбегал в по-ночному темную степь, чтобы оседлать лошадь и погнать отару на выпас.

Еще полусонный, я добежал до густых зарослей степного разнотравья, падал вместе с седлом в высокую траву, удобно пристраивал на нем голову и пытался доспать остаток сна в этом надежном укрытии. Однако все более громкое блеяние проснувшихся овец делало сон зыбким и тревожным. Потом к этому разноголосому настойчивому блеянию добавлялись первые лучи восходящего солнца, от жарких поцелуев которых невозможно было увернуться. Подремав так недолгое

время, я нехотя поднимался, снова взваливал на спину седло и отправлялся искать лошадь. К этому времени отара успевала уйти на несколько километров и вскоре я, уже верхом, во все горло распевая какую-нибудь песню и подгоняя лошадь камчой, догонял своих овец.

Помню, как провожая меня на выпас, ата говорил, что скот, пасущийся на утренней траве с росой, быстро наберет в весе, а его мясо будет мягким и сочным.

Скажу честно, иногда мне очень не хотелось просыпаться так рано и идти к овцам. Я отворачивался, делал вид, что не слышу, как ата меня будит, и всячески тянул время, надеясь продлить хоть немного свой сон. Заметив это, ата пошел на хитрость.

– Слышал ли ты ранним утром со стороны Сарытайпака непонятные странные звуки, похожие на чье-то урчание? – спросил он меня однажды.

– Вроде слышал... – ответил я неуверенно.

– А знаешь, кто это урчит?

– Нет...

– Это древний бегемот, который живет около Сарытайпака!

– Да?! Правда?!

– Конечно, правда.

– А откуда он здесь взялся?

– Он живет здесь с давних пор, уже много лет. Ему здесь, видно, нравится, потому что всю ночь он пасется на зеленых сочных лугах, а к утру, насытившись, устраивается на отдых и начинает урчать.

– Зачем он урчит?

– Говорят, что так он подзывает к себе коров.

– Каких коров?

– Обыкновенных.

– Чтобы съесть их?

– Да нет, бегемоты только траву едят! Он их зовет, чтобы веселее было.

– А людей он ест?

– Кто его знает. Если на кого рассердится, может под воду утащить, поэтому лучше к нему близко не подходить. Но его мало кто видел. Говорят, кто увидит этого бегемота, у того обязательно исполнится одно желание.

– А где он пасется, ата? – подумав немного, поинтересовался я.

– Кажется, в густых камышах за рощей, там, где черная сырая земля. Знаешь это место?

– Знаю, ата!

– Вот там он чаще всего и бывает. Чтобы увидеть бегемота, надо добраться туда пораньше, часов в пять утра, спрятаться где-нибудь неподалеку и караулить, когда он будет возвращаться с пастбища. Поурчав немного, он потом уходит спать под воду в свою нору.

С округлившимися глазами и открытым ртом я слушал ата и верил всему, что он рассказывал про таинственного древнего бегемота.

– Только вряд ли тебе повезет с первого раза, придется каждый день на рассвете ходить туда!

– Ничего, буду каждое утро караулить его! А это правда, что если увижу бегемота, то какое-нибудь мое желание исполнится?

– Обязательно исполнится, сынок, не сомневайся!

С того дня сон потерял надо мной свою непреодолимую власть, и на рассвете уже следующего дня я проснулся самостоятельно и легко, как от какого-то толчка. Накорю перекусив, я поспешил к отаре, которую, не мешкая, погнал в сторону Сарытайпака. Вскоре мы достигли камышовых зарослей, где я оставил овец и пошел пешком сквозь темный лесок туда, где находился небольшой пруд.

Лес был тихим и сонным. Я шел, стараясь ступать как можно тише, и только потревоженные перепелки, разлетавшиеся из-под моих ног, время от времени заставляли меня испуганно вздрагивать и замирать на месте. Солнце еще не взошло, и я подумал, что бегемот уже насытился и скоро будет возвращаться к озеру. Все вокруг еще было окутано мраком, и лишь редкие падающие звезды дарили окрестностям свой прощальный мерцающий свет. Иногда то тут, то там слышался отдаленный и не очень бойкий стрекот полусонных кузнечиков, других звуков слышно не было. Подгоняемый острым любопытством, я осторожно пробирался между деревьями и кустарниками, слыша лишь собственное дыхание и шорох травы под ногами.

Наконец неподалеку от меня тускло блеснуло озеро Карасу. Я хорошо знал это место, и еще с вечера определив для себя удобное место для слежки, теперь осторожно стал двигаться в том направлении. Когда до наблюдательного пункта осталось совсем немного, я лег на землю и дальше уже двигался ползком. Впереди опять показались заросли камыша, вокруг которых темнела черная, никогда не просыхающая земля. Мне предстояло добраться до левого края этих зарослей, с которого удобнее всего было следить за возвращающимся с пастбища бегемотом. Я подползал все ближе, но все медленнее и осторожнее, опасаясь, что бегемот, хоть и травоядное, но все же дикое животное, мог почуять присутствие человека.

Я то бесшумно скользил по траве, то, замерев, прислушивался к окружавшей меня тишине, почти не дышал и, казалось, слышал гулкие удары своего сердца. Скажу честно, мне было страшно, но любопытство и надежда на исполнение самого заветного желания заставляли меня двигаться вперед к заветной цели. До выбранного мной места оставалось совсем немного, и тут в предрассветной тишине вдруг раздался какой-то громкий, ухающий крик. От страха я припал к земле и едва не проглотил язык. «Бисмилла, бисмилла!» – чуть слышно повторял я, испугавшись, что бегемот почуял меня. Я лежал, боясь шелохнуться, уткнувшись носом в сырую траву, и с ужасом ждал, что взбешенный зверь вот вот накинется на меня, схватит и потащит по черной грязи вглубь лесного пруда. Я знал, что никто не услышит моих криков о помощи, потому что в лесу я был один-одинешенек! Что и говорить, такого страха, охватившего все мое существо от макушки до самых пяток, я не испытывал никогда в своей жизни!

Громкое уханье стихло, но потом повторилось снова в стороне от меня. «Может, бегемот не заметил меня и прошел мимо? – мелькнула у меня слабая надежда. – А может, это он своих подружек – коров зовет порезвиться?». Я лежал и боялся хоть немного приподнять голову, чтобы посмотреть по сторонам. «Если он наступит на меня, я даже не пикну!» – клялся я себе, готовясь к ужасной встрече. Тут неподалеку от меня с громким шумом из зарослей кустарников выпорхнуло несколько чем-то встревоженных птиц. «Наверное, это он их вспугнул!» – подумал я с отчаянием и еще теснее прижался к земле.

Я лежал так довольно долго и, прислушиваясь к наступившей наконец тишине, не заметил, как крепко уснул. Проснувшись через некоторое время, я с радостью обнаружил, что жив-здоров, что бегемот не заметил меня и прошел мимо. Я был

спасен! В лесу тем временем стало заметно светлее, первые лучи восходящего солнца скользили по глянцевой поверхности озера, спокойно и мирно поблескивавшей в рассеянном утреннем свете.

Я встал на ноги, отряхнулся и, оглядев озеро, замер, очарованный открывшейся взору чудесной картиной: у впадающего в Карасу небольшого, тихо журчащего ручья стояли две тонконогие пятнистые косули и, грациозно изогнув стройные шеи, пили из него воду. Время от времени они, поднимая симпатичные мордочки и настороженно поводя изящными ушками, чутко прислушивались к лесным звукам. Из рассказов взрослых я знал, что в прежние годы в этих местах было много косуль, но со временем они куда-то исчезли, и их давно уже здесь никто не видел. И вот, о чудо! Я увидел двух прекрасных животных, безмятежно стоявших на берегу лесного пруда! Это была молодая пара косуль – самка и самец с не очень большими рожками. В какой-то момент самец стал озорно бить ногами по воде, поднимая вокруг себя сверкающие брызги, потом, наигравшись, подошел к своей подруге и ласково потерся об нее головой. Картина была настолько удивительной и трогательной, что я на какое-то время даже забыл про таинственного и страшного бегемота, ради которого и оказался в этом глухом лесном уголке.

Я стоял как завороченный, любуясь игривыми косулями, как вдруг самец заметил меня и замер на месте, не сводя с меня взгляда. Я тоже, не двигаясь, смотрел ему прямо в огромные, блестящие, словно маслины, глаза. Вторая косуля, что-то почуяв, настороженно оглянулась по сторонам и тоже заметила меня среди густых деревьев. Наши взгляды встретились, и я ждал, что они вот-вот сорвутся с места и исчезнут из вида. Однако косули продолжали стоять на месте. Тут какой-то внутренний голос вдруг шепнул мне: «Загадай желание!» Подчиняясь ему, я чуть слышно прошептал свое заветное желание. Мне показалось, что косули слегка кивнули мне головой, а потом махнули на прощание своими коротенькими хвостиками и неспешно направились вглубь лесной чащи.

С того памятного дня прошло некоторое время и, хотите верьте, хотите нет, но желание, которое я тогда загадал, полностью исполнилось.

Как позднее выяснилось, «бегемотом» на самом деле была большая выпь, гнездившаяся на берегу лесного пруда. Эти птицы прилетали к нам ранней весной и жили среди зарослей камыша до самых осенних холодов. Однако открывшаяся истина ничуть не разочаровала меня. Напротив, я полюбил эту большую шумную птицу, которая оставила в моей чувствительной душе такой яркий след и благодаря которой я увидел одну из самых прекрасных картин живой природы.

* * *

Говоря о природе, должен сказать, что я от родной природы получил гораздо больше любви и тепла, чем от моих родителей и близких родственников. С самых малых лет я часто и подолгу сидел под сенью огромных тенистых деревьев рядом с моим домом, чувствуя спиной их надежную, крепкую опору. Убегал и прятался от всех, когда мне было плохо, среди высокого разнотравья и прибрежного камыша, засыпал на прогретой летним солнцем земле, с наслаждением вдыхая терпкий запах полыни, играл и резвился среди кустарников таволги и алычи. Такого единения, какое происходило в моем раннем детстве с природой, у меня не было ни с одним родным человеком. Тогда мне казалось, что каждый кустик, травинка и дерево на просторах и в рощах Урджара или Шубаргау знали обо всем, что

волновало и тревожило мою детскую, отроческую душу. Именно там я проводил долгие часы своего уединения в поисках ответа на многие вопросы своей жизни, пряча от окружающих слезы, жалуясь Всевышнему и моля его о защите.

Сколько раз, бывало, плакал я, тоскуя по матери, в зарослях молодого тальника и, обняв гладкий ствол одного из них, стоял так подолгу, скрытый от посторонних глаз. Уткнувшись в деревце, я чувствовал, как тонкие, гибкие ветки успокаивали меня, нежно глядя по голове и спине, а кусты окружающего шенгеля, отвлекая меня от тяжелых дум, весело сыпали мне под ноги свои спелые ягоды. А когда мне было так плохо, что хотелось броситься в бурные воды Баканаса, то тут же откуда-то налетал сильный ветер, с громким шумом будоража рощу и затягивая небо черными тучами. В ярости он метался среди деревьев, рвал листву и бросал мне в лицо куски земли, вихрем поднятые вверх. Река, словно рассердившись на меня за дурные мысли, тоже мрачнела, морщилась и сердито бурлила пенистыми волнами. В потемневшей под черным небом и погрузившейся в неожиданный хаос роще кустарники сразу обретали уныло-безрадостный вид и стояли вокруг, глядя на меня укоризненно и строго. Видя такой разгневанной родную природу, всегда щедро дарившую мне свою любовь и тепло, я осознавал свою вину, успокаивался и, обращая свой взор к Небу, мысленно просил у него прощения.

После этого нежданная буря постепенно стихала, ветер, взметнувшись к вершинам деревьев, устремлялся ввысь, разметая грозовые тучи и коснувшись напоследок моего лица своим ласковым и прохладным дыханием. Небо вскоре прояснилось, и на нем вновь улыбалось жизнерадостное солнце, посылая мне свое нежное тепло и возвращая яркие летние краски растущим повсюду кустарникам и полевым цветам. Я смотрел на успокаивающуюся реку и обещал ей, что никогда больше не буду думать о том, чтобы закончить свою жизнь в ее глубоких и холодных водах. Обнимая податливый тальник и любясь окружающим меня великолепием, я ощущал свое неразрывное единство с этим родным для меня миром, со всем, что видел и чем дышал. И тогда острое, разъедающее душу невыносимое чувство одиночества становилось менее острым и болезненным, притупляясь и отступая, хотя бы на время, в самые дальние ее уголки, давая мне возможность вдохнуть полной грудью и обрести хоть какую-то надежду на изменение к лучшему моей безрадостной жизни.

С той давней поры своего беспокойного детства я научился чувствовать природу, улавливать ее настроение, понимать ее язык и признавать ее великую и могучую силу.

* * *

Жизнь на летнем пастбище дарила мне немало разных ярких и запоминающихся впечатлений. На жайляу я не только пас овец, но мог каждый день и сколько хотел купаться в реке, азартно, с ветерком скакать по степи на коне, пить ароматный кумыс или просто валяться на мягкой, душистой траве, глядя в голубое небо и мечтая о чем-нибудь своем. Ближе к вечеру я собирал отару и спускался вместе с ней с холмов вниз к Сарытайпаку, где встречал знакомых мальчишек, пасших ягнят и козлят, и взрослых аулчан, у которых в низовье паслись стада коров. Здесь мое отшельничество кончалось, и я с радостью бежал к друзьям, чтобы поболтать с ними о том о сем. Так незаметно наступали сумерки, все расходилось по домам, возвращался и я в свой дом, ужинал и ложился спать.

Среди взрослых на выпасе коров я больше всего любил общаться с одним аксакалом по имени Даут. Из-за плохого зрения он всегда старался держаться ближе к своей отаре, опасаясь, что она разбредется по сторонам, и оттого распугивал овец другого аксакала – своего соседа Шопана, на что тот неизменно сердился и недовольно ворчал. Завидев Даута, я поворачивал свою отару и на всем скаку устремлялся прямо к нему, распугивая его овец, которые с громким бляением начинали метаться и шарахаться в разные стороны. Не понимая, что случилось и толком ничего не видя, аксакал начинал в панике кричать и беспорядочно размахивать камчой, пытаясь согнать вместе мечущихся вокруг него баранов.

– Это же я, ата, Акберен! – кричал я переполошившемуся аксакалу.

– Так это ты, шенок Орынгали, распугал моих овец? – улыбался, успокаиваясь, тот и, вытащив притороченный к седлу торсык, угощал меня хранившимся в нем прохладным кумысом.

Аксакал Даут был не только весьма уважаемым человеком в нашем ауле, но являлся и самым большим знатоком древних народных сказаний и легенд. Я любил его еще и за это и всегда был рад нашему общению. Бывало, путив пастись ранним утром своих овец, мы усаживались с ним под раскидистым деревом, и я до самого обеда с упоением слушал его удивительные рассказы. Поглядывая время от времени за овцами и заметив, что они уходят слишком далеко, я вскакивал на коня, догонял обе отары и спускал их ближе к нашему месту. Я тоже, в свою очередь, рассказывал старику обо всех новостях аула, а иногда даже делился с ним своими сокровенными мыслями, мечтами и переживаниями. Он слушал меня очень внимательно, давал мудрые советы, успокаивал и каждый раз, вытянув перед собой натруженные, узловатые руки, благословлял меня самыми теплыми, душевными словами. Обычно ближе к полудню наша беседа заканчивалась, и аксакал, помахивая плеткой, гнал своих овец к себе во двор. А я оправлялся со своей отарой в Сиректас и устраивался где-нибудь в укромном месте с очередной книжкой в руках.

Что касается книг, то с ними у меня тоже связано немало ярких моментов. Должен признаться, что моя страсть к чтению не раз являлась причиной пропажи наших баранов. Настрадавшись из-за этого, ата, отправляя меня по утрам на выпас, первым делом стал обшаривать меня с головы до пят. Найдя припрятанную книжку, он забирал ее и только потом отпускал из дома. И тогда я нашел очень удобный и безопасный способ доставки книг на жайляу. Я заворачивал очередное чтиво в бумагу и с вечера привязывал его шпагатом к какой-нибудь овце. На пастбище я отыскивал «курьера», и книга оказывалась у меня в руках! Благодаря этому мне удалось в долгие летние месяцы на жайляу познакомиться со многими прекрасными произведениями зарубежной, казахской и русской литературы.

Книги я брал в местной библиотеке, которая располагалась в самом центре аула. Ее заведующей была Ляля-апай. Видя, что я заядлый книголюб, она под строгим секретом доверила мне второй ключ от библиотеки, и я стал носить домой книги целыми стопками, сложив их в обычный мешок. Я прятал их за сараем под грудой высушенных коровьих шкур и потом запоем прочитывал одну за другой, пока не заканчивалась очередная стопка. Перед отъездом в Алматы я с благодарностью и кое-какими гостинцами вернул ключ нашему доброму библиотекарю. Прошли годы, и когда я однажды приехал в аул, то с огромным огорчением увидел полуразрушенное здание старой библиотеки, внутри которой то тут, то там валялись

пожелтевшие и потрепанные страницы разодранных книг. Как я узнал, после того, как Ляля-апай уехала из аула, местные жители бросились разбирать здание библиотеки на кирпичи, пользуясь равнодушием и попустительством местных властей.

* * *

Как я уже говорил, в дни моих летних каникул на жайляу со мной случилось много разных историй. Расскажу еще об одной, не только забавной и трогательной, но и определенно мистической. Так вот, в нашей отаре был один старый и очень необычный баран. От остальных своих сородичей он отличался странным окрасом шерсти, которая была покрыта множеством темных пятен, и строптивым, своенравным характером. Вертлявостью и упрямством он больше напоминал капризную козу, чем послушного барана. В то время как вся отара мирно паслась на одном определенном месте, он лез в каждую яму, забираясь на каждый пригорок и все время носился из стороны в сторону. Даже в небольшой отаре трудно запомнить каждого барана и овцу, но этого мерзавца с черной головой, желтоватыми наглыми глазами и пятнистой шкуркой я запомнил надолго!

Возвращаясь однажды вечером с пастбища и погоняя впереди себя лениво и сыто блеющих овец, я обнаружил, что среди них не было пегого упрямяца, который обычно с важностью вышагивал впереди отары. «Куда он мог деться?!» – испуганно думал я, озираясь по сторонам. Я с ужасом представил себе ата, разгневанного очередной пропажей барана, и то, что предстояло мне от него услышать. Что было делать? И куда мог запропасться этот противный баран?

Солнце уже зашло за горизонт, и сумерки быстро опускались на всю окрестность. Я направил отару к аулу, а сам бросился на поиски пропажи. Я бегал по окрестностям, высматривая его среди кустов и деревьев, но все было напрасно. Впереди уже маячили огоньки нашего аула, до которого идти оставалось час времени. Мои овцы, дружно постукивая копытцами по каменистой дороге, ушли далеко вперед и хорошо, если они не сбились с правильного курса! Но если вожаки, не дай Аллах, свернут с пути, то, считай, вся отара пропала! Я был в отчаянии и не знал, как быть! В полной растерянности я стоял один на проселочной дороге, вокруг не было ни души, и тут, неожиданно для себя самого, я горько заплакал. Да и как было не плакать? Уже изрядно стемнело, людей рядом не было, еще немного, и окрестности накроет мгла, а я стоял и понимал, что без полной отары мне лучше было домой не возвращаться. Плача и криками призывая заплутавшего барана, я бегал в разные стороны, но вокруг стояла абсолютная тишина.

От отчаяния я остановился и, подняв лицо к звездному небу, громко, изо всех сил крикнул: «Папа, пожалуйста, помоги мне!» Слезы лились по моим щекам, я утирал их и кричал: «Папа, если ты слышишь меня, помоги найти нашего барана!»

Прошло немного времени, всхлипывая, я продолжал озираться по сторонам, всматриваясь в окружающую меня темноту, и вдруг услышал недалеко от себя негромкое блеяние, а следом увидел и появившегося из-за деревьев пегого беглеца! Счастье, охватившее меня, невозможно передать словами! Радости моей не было предела! Теперь я смело мог идти домой и мне было что ответить на вопрос ата о

том, почему я отстал от своей отары. «Искал заблудившегося барана!» – ответил бы я гордо на его вопрос.

Взяв в руки хворостину и подгоняя барана, я припустил по направлению к аулу. Я бежал за мчавшимся со всех ног пятнистым упрямым, ненавидя его и в то же время благодаря за то, что он все-таки нашелся! Вот и река замерцала неподалеку, а от нее и до аула уже было рукой подать. Вскоре мы подбежали ближе, и я с удивлением обнаружил свою отару, расположившуюся на ее берегу! Обычно, приблизившись к мелководью, овцы привычным образом переходили речку и напрямик направлялись к знакомому загону. Но в этот раз они почему-то решили дожидаться меня, и я был этому несказанно рад!

Я поднял отару, перевел ее через реку и погнал к дому. У ворот стоял ата, с волнением высматривавший меня в сгустившейся темноте.

– Слава Аллаху, появился мой жеребенок! – обрадовался он, завидев меня. – Где ты ходишь так долго? Я уже начал переживать, что ты заблудился!

– Не заметил, как стемнело, поздно отару стал собирать, вот и задержался.

– Как хорошо, айналайын, что вернулся домой жив-здоров! А я уж не знал, куда идти и где искать тебя! И Айдарбек, как назло, куда-то ушел! Хотел на его тракторе отправиться на твои поиски.

– Все хорошо, ата, не волнуйтесь!

– Как не волноваться, ты же единственная кровинушка моего родного брата! Если я тебя потеряю, что я ему скажу на том свете? Ну-ка, иди ко мне, мой хороший!

Растрогавшись, ата обнял меня и беззвучно заплакал, долго не выпуская меня из своих крепких объятий.

СЛУЧАЙ В КУЙКЕНТАЙ

Недалеко от нашего аула находится необычное место под названием Сиректас, что в переводе на русский язык означает «Редкокаменное». Название это связано с несколькими горными возвышенностями, стоящими поодаль одна от другой небольшой холмистой грядой.

По одной из версий, в этих местах в доисторические времена произошло мощное извержение вулкана, вследствие чего и образовалось несколько высоких холмов причудливой формы. На плоской вершине одного из них, например, красуется большой «валенок», который природа-шутница сложила из груды камней. Соответственно, этот холм так и назвали – «Пиматас», то есть «Каменный валенок». Соседняя гора, зарождаясь из вулканического огня, лавы и пепла, застыла в виде беркута с расправленными крыльями и получила название «Каменный беркут». Его лучше всего можно разглядеть с вершины следующего, самого низкого холма, имеющего форму сердца – «Журектас» – «Каменное сердце». Поверьте, ни с какой другой позиции увидеть во всей красе каменного беркута не удастся, это я выяснил, когда пас в тех местах целыми днями своих баранов. И, думаю, я был первым, кто рассказал односельчанам об интересной истории возникновения горной галереи Сиректас.

За Сиректасом следует гора Куйкентай. Это уменьшительно-ласковое название, скорее всего, явилось производным от слова Куйгентау – «Обожженная гора», что также подтверждает вулканическое происхождение гор Сиректаса. Поодаль

от Куйкентай, ближе к соседнему аулу Бидайык, стоит ее младшая сестра – гора чуть ниже и меньше, которая так и называется – «Киши Куйкентай» – «Малая Куйкентай», но у нее есть еще и другое, довольно странное название «Вонючая Куйкентай» (откуда оно взялось, мне неизвестно). Думаю, что каждого, чей путь ляжет вблизи Куйкентай, удивят разбросанные по окрестностям огромные валуны самых причудливых форм. Вот, например, огромный каменный «слон», многие века пасущийся у подножия Куйкентай, а вот там, на самой вершине горы, словно вознесенная туда чьей-то могучей рукой, примостилась большая каменная «рыба». И что любопытно, к этой «рыбе» любой может подняться по небольшим ступеням в горе, похожим на окаменевшие морские волны. Сама Куйкентай, напоминающая формой гребень сказочного дракона, со всех сторон окружена непроходимыми зарослями таволги, что придает горе и ее окрестностям таинственный и загадочный вид.

Именно в этих местах со мной однажды произошел очень странный, я бы сказал – мистический случай, о котором я сейчас и расскажу. Был обычный солнечный и жаркий летний день. Перегнав отару с Сиректаса ближе к Куйкентай, я оставил ее пастись на просторной равнине, а сам устроился с книжкой в укромном тенистом местечке. Недалеко от меня мирно пощипывала траву стреноженная лошадь. Вокруг было тихо и спокойно. И вдруг моя лошадь испуганно фыркнула. Встав с места, я взглянул туда, где она стояла, но ничего подозрительного не обнаружил, однако заметил, что овцы в панике стали сбиваться в кучу. Лошадь тем временем испуганно смотрела вверх, фыркала и тревожно двигала ушами.

Я поднял голову и увидел, что со стороны Куйкентай, тяжело взмахивая огромными крыльями, летела большая, черная и незнакомая мне птица. Ее туловище было крупным, вытянутым и не похожим на птичье. Я, затаив дыхание, не сводил с нее глаз и вдруг понял, что это была вовсе не птица, а самый настоящий дракон! С замирающим от страха сердцем я слышал шумный взмах тяжелых крыльев и видел, как по земле тянулась длинная темная тень от большого удлиненного тела. У чудовища была мощная, широкая шея и крупная голова, а его брюхо и бока покрывала густая черная чешуя, очень похожая на змеиную. Пролетая надо мной, дракон опустил голову и пристально посмотрел мне в глаза. От этого пронзительного взгляда и охватившего меня ужаса я не удержался на ногах и рухнул на траву, краем глаза заметив, как лошадь сорвалась с места и, не разбирая дороги, бросилась прочь, не обращая внимания на стреноженные ноги. Мой верный пес Пират, жалобно заскулив, метнулся к ближайшим кустам и забился в их непролазной гуще. А я беспомощно сидел на земле и думал, что дракон сейчас раскроет пасть и опалит меня своим огненным дыханием! Но тут дракон, еще раз шумно взмахнув надо мной мощными крыльями, повернул голову в сторону и полетел прочь от меня. Наверное, мы встретились с ним глазами лишь на какое-то мгновение, но мне казалось, что его пристальный, пугающий взгляд длился целую вечность!

Об этом невероятном происшествии я решил никому не рассказывать. Да и зачем? Ведь мне все равно никто бы не поверил. Я и сам, честно говоря, почти не верю в то, что случилось. Вот только испуганная лошадь, бросившаяся прочь от меня, мечущиеся в панике бараны и забившийся в кусты Пират – ведь все это на самом деле было!

* * *

Вспоминая мои летние каникулы, хочу сказать, что, если кто видел в те далекие времена загорелого мальчишку, который каждый вечер возвращался с предгорного жайляу, весело погоняя перед собой сыто блеющую отару, так это был я. А у ворот нашего дома меня всегда поджидал ата в окружении своих внуков. И всякий раз, едва загнав баранов в загон, я торопливо умывался, хватал кусок лепешки и бежал к своим друзьям, поджидавшим меня на улице. Вот в такой привычной череде дней и пролетало мое школьное лето!

ФОТОГРАФИИ ОТЦА

Кроме запойного чтения книг я еще любил пересматривать немногочисленные фотографии отца, сохранившиеся в нашем доме. Часто с наступлением сумерек я вынимал их из коробки и, уединившись в укромном месте, подолгу вглядывался в старые снимки. Я уже хорошо знал улыбку, выражение лица и внешний облик моего отца и, кажется, запомнил каждую морщинку в уголке его улыбающихся глаз. Глядя на эти фото, я пытался представить отца живым. Однако у меня это плохо получалось, ведь я его совсем не помнил и не знал. Родственники и знакомые часто рассказывали мне о том, каким был отец, о его характере, привычках, особенностях. Но все эти воспоминания были для меня эфемерными и никак не облекались в живую плоть. Только фотографии давали мне возможность знать, как выглядел мой отец, и представить себе, каким он был при жизни... Разглядывая их, я иногда вздыхал, думая о том, что будь он живым, никто не посмел бы меня тронуть даже пальцем, и я бы рос спокойным и обласканным ребенком под его надежным крылом. Однако судьбе было угодно отнять его у меня...

Отец. Призрачный, не оставшийся даже в дальних уголках моей памяти родной человек. Особо остро я ощущал его отсутствие в годы ранней юности, именно тогда пронзительная тоска по отцу, потребность в его поддержке и советах омрачали и разрывали мне душу. Пожалуй, я нуждался тогда в нем даже больше, чем в своей матери.

Отец был для меня как океан, а я лишь одной его каплей, или большим раскидистым деревом, одной веточкой которого был его сын, либо вечной и прекрасной песней, в которой я был последним куплетом. Мой отец – неразгаданная мной тайна и вечная для меня загадка.

ТОСКА

Много лет назад, разродившись симпатичным черненьким ягненком, отчего-то неожиданно погибла одна наша овца. Взяв под свою опеку малыша, ата собственноручно стал поить его каждый день свежим овечьим молоком. Помню, как беспечно резвившийся прежде вместе с другими ягнятами черненький ягненок резко изменился после потери своей матери. Осиротевший малыш все чаще забивался в дальний угол загона и стоял там понуро и одиноко. Его еще неокрепшие тонкие ножки дрожали, словно от холода, а взгляд был потухшим и печальным. На пастбище он тоже держался поодаль от всей отары, вяло и как бы нехотя пощипывая свежую и сочную зелень. К концу лета молодняк, как правило, заметно подрастал и нагуливал крутые бока, но черный ягненок оставался по-прежнему

маленьким и хилым. До сих пор у меня перед глазами стоит затравленный облик несчастного ягненка, потерявшего вместе с матерью всякий интерес к окружающему миру. Как никто другой, я очень хорошо понимал душевный надлом этого рано осиротевшего малыша, его непреходящую тоску по материнской ласке. Выпустив на пастбище овец, я всегда бежал к черненькому ягненку и, поймав его, подолгу сидел с ним в обнимку, ласково поглаживая и нежно целуя в симпатичную грустную мордочку. В такие минуты мне казалось, что мы оба отлично понимали друг друга и нуждались один в другом как самые близкие существа, объединенные одной большой бедой. И если ягненок страдал от своей безвременной потери, то моя душа, не переставая ни на минуту, скорбела и тосковала по живой, жившей не так уж далеко от брошенного ею сына матери. Часто, когда я задумчиво гладил ягненка по нежной и мягкой шерстке, он поднимал голову и смотрел на меня таким выразительным взглядом, который я, наверное, не забуду до конца своих дней! Никогда и ни в чьих более глазах мне больше не приходилось встречать такой глубокой тоски и неизбывной печали, какие я видел в глазах того маленького несчастного существа...

Если ты, дорогой мой читатель, вдруг подумал, что я вырос черствым, неблагодарным и не любящим свою мать сыном, то ты сильно ошибаешься! Да, порой бывает, что мать забывает своего ребенка и не думает о нем, но не бывает детей, не думающих о родной матери. Потому что первый свой вздох ребенок делает, лежа на материнской груди, и с этой минуты между ними возникает неразрывная и невидимая связующая нить. Появляясь на свет, дитя начинает осязать окружающий мир на руках своей матери, в ее объятиях он впервые видит все, что нас окружает, и с материнским молоком он начинает свою земную жизнь. Иногда судьба навсегда разлучает детей с матерями, и они могут даже не помнить друг друга, но кровная, незримая связь между ними неистребима и вечна!

С того дня, как я уехал из Урджара, я ни на минуту не забывал о своей матери и очень скучал по ней. Особенно тяжелым для меня было первое время жизни на новом месте. Ночами я все время думал о ней, волновался за нее и очень хотел, чтобы она была рядом. Не скрою, что не раз моя подушка была мокрой от слез, которыми я оплакивал нашу разлуку. Неизбывная тоска по матери была причиной затяжного депрессивного состояния, омрачавшего мою жизнь в новой семье. Я любил свою мать и тосковал по ней, но она ко мне не приезжала...

Однажды летним вечером, загнав как обычно отару в загон, я вошел в дом и увидел у порога незнакомую женскую обувь. Память почему-то надолго сохранила в себе те красивые белые остроносые туфли с цветочным рисунком.

«Мама!» – молнией сверкнула в моей голове мысль, и я радостно вбежал в гостиную. За обеденным столом сидели и пили чай две женщины – наша сноха Галия и сидевшая ко мне спиной гостья, фигурой и ростом похожая на мою мать. С момента моего расставания с матерью к тому времени прошло уже три года! Да, это была моя мама! Значит, она не забыла меня и тоже сильно соскучилась! Какой же я дурак, что обижался на нее! Наверное, Калан все это время не отпускал ее ко мне, да и денег на дорогу у нее, скорее всего, не было. Как я мог не понимать этого! И вот она приехала! Все мои обиды испарились в одно мгновение, и я, подскочив к гостье и зажмурившись от счастья, крепко обнял ее сзади.

– Ойбай, бисмилла! Кто это?! – испуганно воскликнула та и отшатнулась от меня. – Галия, убери от меня этого дурачка!

– Акош, что с тобой, отпусти нашу сватью! Никак перегрелся на солнце?! – крикнула сердито сноха.

Разжав руки, я растерянно смотрел на обернувшуюся ко мне женщину, понимая, что обозначился. Это была не мама. Я молча развернулся и нетвердым шагом вышел из дома, раздавленный и уничтоженный. Я прошел двор, вышел за ворота и, уже не сдерживая себя, громко заплакав, бросился бежать, не разбирая дороги. «Эй, что случилось?!» – послышался за моей спиной удивленный голос ата, но я бежал, заливаясь слезами, все дальше и дальше от нашего аула. Несмотря на многие испытания и тяготы, выпавшие на мою детскую долю, я всегда старался проявлять стойкость и терпение, однако в этот раз не смог выдержать удар и впервые плакал навзрыд, ничуть не стесняясь своих слез. Мне было тогда шестнадцать лет. Не помню, как и куда я шел, но только утром ата нашел меня спящим на краю отцовской могилы...

С тех пор я перестал ждать свою мать. Но душе своей запретить тосковать о ней я не смог. Много позже, во время нашей встречи, мать сказала, что каждый месяц писала мне письма, но я не поверил ее словам. И какое это теперь имело значение?

БОЗТОРГАЙ

Помню, как в один из таких же невеселых дней моей юности я увидел по телевизору молодого певца, возрастом чуть старше меня, который, играя на домбре, пел песню, перевернувшую мне душу! Эта песня называлась «Бозторгай» – «Жаворонок», и в ней пелось о несчастном сироте, который так отчаянно ждет свою мать.

Едва дослушав ее до конца, я выбежал из дома и, уткнувшись лицом в стену, горько заплакал. «Что случилось? Почему ты плачешь?» – переполошившись, окружили меня невестки. Ничего не отвечая, я стоял и плакал, не в силах остановиться.

С того дня я потерял покой. Красивый голос певца, полные душевной боли слова и печальная мелодия песни продолжали звучать во мне, не отпуская ни на минуту. Мне захотелось встретиться с ее исполнителем, узнать о человеке, пережившем такое же сиротство, что и я, и сумевшим так проникновенно выразить свои чувства! Где бы он ни был, как бы далеко ни находился, я хотел увидеть его, познакомиться и поговорить с ним по душам. Я не сомневался, что мы хорошо бы поняли друг друга. Но, к сожалению, я не знал, где искать певца Мейрамбека, да и он тоже, конечно, не мог знать о моем существовании. Позднее эту песню стали часто передавать по радио, и я, бывало, отправляясь со своей отарой на пастбище, слышал ее из динамика, установленного над входом в нашу контору. Эта песня, глубоко созвучная моему душевному состоянию, дала понять, что я не одинок в своих страданиях, что таких, обделенных родительским теплом детей, как я, немало на этом свете, и мне от этой мысли стало немного легче.

Прошли годы, и моя мечта наконец сбылась! Замечательным певцом, которого мне так хотелось когда-то разыскать, был Мейрамбек Бесбаев, ставший со временем не только широко известным артистом, но и моим близким и любимым другом.

ВЗРОСЛЕНИЕ

Утомившись в долгие зимние месяцы от ежедневных рутинных хлопот по домашнему хозяйству, мой брат Айдарбек каждую зиму старался под любым предлогом улизнуть из дома в местечко под названием Шоль – Пустынные края. Оно находилось в 100 километрах от нашего аула и было постоянным местом зимовки табунщиков.

Вот и на этот раз, присев рядом с отцом у пышущей огнем печки, покуривая скрученную папироской махорку и искоса поглядывая на старика, уткнувшегося в книгу, Айдарбек начал разговор издали:

– Слышал, что на днях волки загрызли двух жеребят Тусипхана. Уж не знаю, то ли не успели зверей отогнать, то ли не слышали ничего...

Старик молча взглянул на сына поверх очков и снова уткнулся в книгу, прекрасно понимая, куда тот клонит. О непреодолимом желании Айдарбека отправиться к своим друзьям-табунщикам, чтобы там, на воле, отдохнуть от забот-хлопот и побаловаться водочкой, он знал очень хорошо. Послушав еще несколько «убедительных» доводов для поездки в Шоль, ата наконец не выдержал:

– Ладно, хватит бубнить всякую чепуху, бери коня и езжай! Утром дам тебе две поллитровки, отдашь их Токешу, пусть получше присматривает за табуном! Все, отстань от меня, займись делом! – с этими словами ата захлопнул книгу и ушел в свою спальню.

Добившись своего, Айдарбек расплылся радостной улыбкой и, докуривая махорку, пошел собирать вещи. Так происходило каждую зиму. С наступлением морозов мой брат привычно выпрашивал согласие отца, вскакивал на коня и в очередной раз устремлялся на свою любимую зимовку.

Эти его зимние поездки всегда казались мне интригующим и таинственным путешествием в неведомый, загадочный мир, где была совсем другая, необычная жизнь. В то время я учился в десятом классе. Видя, с какой радостью Айдарбек каждый раз уезжал в Шоль, я представлял это место подобным Шамбале, о которой читал в книжках.

Решившись, я подошел к Айдарбеку.

– Ага, можно я поеду с вами?

– Ты? Со мной? – Айдарбек с удивлением окинул меня взглядом.

– Да! Вы же обещали в прошлом году, что, когда я подрасту, возьмете меня с собой! Вот, я уже подрос!

– Ха-ха-ха! Думаешь, за год ты стал большим?

– Конечно! На следующий год я уже закончу школу! Пожалуйста, возьмите меня с собой!

– Да ты там окоченеешь насквозь, уйди, не морочь голову!

– Не окоченею, я закаленный! – упирался я.

– Тебя ата непустит!

– Тогда я убегу без спроса!

– С ума сошел, что ли?! Иди, учи уроки лучше!

– Какие уроки? У нас же каникулы!

– Ну, не знаю, не знаю...

Не добившись от Айдарбека внятного ответа, я пошел к ата. Оказалось, он слышал весь наш разговор и поэтому сразу же сказал:

– Если хочешь, езжай! Возьми своего черного жеребца и поезжай! Путешествие в такие морозы сделает из тебя настоящего джигита! Так что собирайся и отправляйся вместе со своим братом!

И громко, чтобы сын услышал, добавил: «Он опытный и взрослый, сумеет за тобой присмотреть!»

Счастливый, я выскочил из комнаты и весело подмигнул дяде.

– Молодец! – похвалил он меня и одобрительно похлопал по плечу.

От страха, что Айдарбек не станет меня будить и уедет один, я проснулся ни свет ни заря, когда на улице было еще совсем темно. Не теряя времени, мы оседлали коней и отправились в дорогу.

Надо сказать, что морозы в наших краях всегда стояли нешуточные, и на этот раз, похоже, тоже было под минус сорок! От нашего дыхания мех малахая у лица вскоре весь покрылся инеем. Но я нисколько не жалел, что покинул теплый, натопленный дом. Впереди передо мной простиралась бескрайняя белая степь, и на этом необъятном просторе были только два всадника – я и мой дядя! В первые же минуты долгожданного путешествия меня охватило какое-то необъяснимое возбуждение и ликование, мне захотелось огласить это безмолвное белое пространство громким радостным криком и пуститься вскачь прямо к виднеющемуся вдаль горизонту! По сравнению с сопящими у теплой печи мальчишками я чувствовал себя настоящим героем! Я был очень горд и доволен собой!

Вскоре мы приблизились к Куйкентай, и я увидел, что в зимнем наряде гора выглядела совсем по-другому.

– Кони устали, дадим им передышку! – сказал Айдарбек.

Мы остановились, и я в своей подмерзшей одежде легко соскользнул со спины жеребца, однако с трудом сделал несколько шагов в очоженевших ватных штанах.

– Собери хворост, надо разжечь костер и поставить чай, – распорядился брат.

– Какой чай? – удивился я.

– Сейчас увидишь!

Мы быстро собрали охапку сухих веток таволги и разожгли костер. Отойдя в сторону, Айдарбек нырнул в небольшую пещеру и вышел из нее с чайником в руках! Я был ошарашен!

– В этой пещере есть священный незамерзающий родник, – объяснил мне он. – Табунщики всегда останавливаются здесь, чтобы передохнуть и попить чаю, и всегда оставляют внутри пещеры чайник.

Достав из мешочка кусок вареного мяса, Айдарбек нарезал его, разложил прямо на снегу. Потом извлек из кармана головку чеснока, разделил ее пополам и протянул одну половинку мне.

– Не хочу! – скривился я.

– Если не съешь чеснок, не доберешься до зимовки в такой мороз! – Сказав это, брат посыпал солью два кусочка мяса, сунул их в рот, а затем откусил чеснока. Я сделал то же самое и спустя некоторое время почувствовал, как по моему телу пошло приятное тепло. Вскоре мы продолжили свой путь и к вечеру благополучно добрались до зимовки табунщиков.

Зимовка, которую я увидел, представляла собой большой железнодорожный вагон, который был единственным темным пятном на огромном белоснежном

пространстве. Рядом с вагоном на привязи стояло несколько лошадей, их охраняли три больших собаки, которые встретили нас громким лаем. В небольших окнах вагона виднелся слабый мерцающий свет. Услышав лай собак, из вагона вышел мужчина с ружьем, это был главный табунщик аула Токеш.

Озябшие, в задеревеневшей от стужи одежде, мы с Айдарбеком вошли в вагон, внутри которого царил полумрак. Посреди вытянутого помещения стоял небольшой стол, на нем – две керосиновые лампы. Их неустойчивый, колеблющийся свет отбрасывал на стены и потолок причудливые тени передвигавшихся внутри вагона людей, похожие на чудовищ с огромными вытянутыми руками. Некоторое время я с любопытством наблюдал эту забавную картину. Потом на столе появился огромный, черный от копоти чайник, а следом – большое блюдо с ароматным свежесваренным мясом, и мы, не мешкая, принялись за дружную вечернюю трапезу. Очень хорошо помню конский запах, насквозь пропитавший старый вагон, и палку, привязанную на веревках под потолком, с несколькими висевшими на ней толстыми казы, напоминавшими своим видом гигантских червей.

После горячего и сытного ужина, разомлев от тепла и усталости, я прилег на чьей-то кровати и тут же провалился в глубокий сон. Однако вскоре проснулся от громкого разговора и, открыв глаза, увидел брата и табунщиков, сидевших за столом и пивших привезенную Айдарбеком водку. Разговор между ними был совсем не спокойный, разгоряченные спиртным мужчины о чем-то громко спорили и доказывали каждый свое. Один за другим, впуская внутрь морозный воздух, они то выходили из вагона, то тут же возвращались, и, в конце концов, успокоившись, расположились по местам. Проведя на зимовке несколько дней, мы с Айдарбеком отправились в обратный путь.

Мой ата был прав. Из той поездки на дальнюю зимовку я вернулся значительно повзрослевшим. И хотя жизнь на зимовке была недолгой, я понял суть настоящего мужского характера, своими глазами увидев ту суровую реальность, с которой может справиться только по-настоящему мужественный и выдержанный человек.

САПСАН

Отличительной особенностью жителей нашего аула Коктал была невероятная страсть к конным скачкам. И хотя далеко не каждый аулчанин обладал необходимыми способностями и сноровкой, тем не менее, почти в каждом дворе можно было увидеть коня, которого усердно готовили к байге. Я уже подросток, но был худеньким и щупленьким, так что по возрасту и по весу вполне подходил для наездника, а потому пользовался среди участников скачек большим спросом. И если бы вы оказались в Коктале в те годы в горячий момент проведения очередной байги, то непременно увидели бы мчащихся галопом наперегонки по пыльным аульным дорогам юных наездников. Среди них вы наверняка заметили бы босоногого, светлолицего и узкоглазого, отчаянно бьющего голыми пятками по конским бокам подростка, чьи выгоревшие под степным солнцем волосы обрели темно-рыжий оттенок. Этим азартным наездником и был ваш покорный слуга! И никто на целом свете не мог бы остановить меня в тот захватывающий момент, потому что я на всех парах летел к своей единственной, заветной цели – Ушкорымскому ипподрому! Ведь именно там ожидался большой праздничный

той, после которого начнутся конные скачки! И я должен быстрее добраться туда, чтобы как следует подготовиться к своему выходу!

Когда ата увозил меня из Урджара, он обещал подарить мне именного жеребенка. Однако выполнить свое обещание ему долго не удавалось. У старика было несколько женатых сыновей, чьи жены почти каждый год одна за другой рожали сыновей, и ата каждого новорожденного жеребенка дарил очередному внуку. Мой черед, соответственно, все время отодвигался в конец. И вот, неожиданно для всех разродилась бесплодная до того дня кобыла Айдарбека! Об этом грандиозном событии спустя некоторое время я даже написал короткую балладу.

Моего любимого коня звали Лашын. Эту кличку носил красавец-жеребец ахалтекинской породы, фильм о котором в те годы показывали по телевизору. Мне кличка понравилась, и я назвал ею своего жеребенка, который тоже был настоящим красавцем! Стройный, поджарый, с длинными и сильными ногами, он чутко поводил своими аккуратными точеными ушками, ловя ими малейший шорох. Лашын был крепким гнедым жеребцом с маленькой светлой отметиной на лбу. Я любил баловать его кусочками рафинада, всегда приберегаемые для него в кармане. Так же, как хозяин киношного Лашына, я негромким свистом подзывал своего коня, который тут же с коротким радостным ржанием подбегал ко мне, и я принимался обнимать и нежно целовать его симпатичную коричневую морду. Но дружбе нашей не суждено было стать долгой, земные потребности людей уготовили ему совсем иную судьбу...

ШАРИК

Был у нас в те годы и свой пес, по кличке Шарик. Он был старым и злым. Гремя цепью, которой был привязан к будке, пес то и дело яростно бросался к воротам и злобно облаивал каждого прохожего. Свирепого сторожа двора побаивались не только посторонние, но и вся женская половина нашей семьи. Стоит ли удивляться тому, что кормить собаку мои женге обычно поручали мне. Встав на безопасном расстоянии, я палкой пододвигал к себе пустую собачью миску, переливал туда похлебку и так же палкой придвигал ее обратно к Шарик. Коротко и сердито рявкнув, пес принимался за еду, а я, присев неподалеку на корточки, иногда с интересом наблюдал за ним. Время от времени мы с ним встречались взглядами, и мне казалось, что я видел в глубине его старческих глаз следы давней затаенной боли и обиды. Шарик был светло-коричневого цвета, но от многолетней привязи шерсть на его шее под цепью истерлась, образовав темный ободок. Часто, положив морду на короткие лапы, пес ложился у своей будки и с тоской, словно ожидая кого-то, подолгу смотрел в сторону ворот.

Но однажды пес сорвался с цепи. Все, кто в этот момент был во дворе, в панике бросились врассыпну и попрятались, кто где сумел. Однако Шарик, не обращая ни на кого внимания, юркнул в небольшой зазор между штакетниками забора и помчался в сторону реки, которая глянцево поблескивала недалеко от нашего дома.

Видя, что опасность миновала, все снова собрались во дворе и стали гадать, что будет дальше.

– Все, больше мы его не увидим! – сказал кто-то из родных.

– Хорошая собака уходит умирать подальше от людей! Видно, Шарик почувал свой конец, – предположил другой.

– Никуда не денется, вернется! – ответил третий.

Я выбежал за ворота и поспешил к реке. Приблизившись к берегу, я увидел Шарика, который забрался в реку и резво плескался в прохладной воде. Я укрылся за прибрежными кустами и стал наблюдать за ним. Напрыгавшись вволю на мелководье, пес вышел из воды и шумно отряхнулся, раскидывая вокруг себя тысячи сверкающих брызг. Удовлетворенно потянувшись всем телом, Шарик зевнул и лег на траву, привычно положив морду на передние лапы. Он был счастлив и спокоен, и совсем не похож на злобного цепного пса, роль которого ему пришлось исполнять в течение многих безрадостных лет.

Прошла неделя с того дня, как Шарик покинул наш двор. Каждый день я всматривался вдаль с крыши нашего сарая и находил его наслаждающимся своей долгожданной свободой на том же месте у реки. Видел, как он весело прыгал по воде, терся спиной о горячий песок, бегал, словно маленький щенок, по прибрежному разнотравью, прыгал за бабочками и гонялся за полевыми мышами.

Как-то раз, взобравшись как обычно на сарай, чтобы посмотреть на нашего пса, я увидел идущего к реке мужчину с четырьмя крупными, упитанными собаками. Сердце у меня тревожно екнуло. Человек с собаками шел прямо туда, где все это время находился Шарик. Расстояние между ними быстро сокращалось, и я с ужасом понимал, что роковая для Шарика встреча становится неминуемой.

И вот собаки увидели его! Увидели – и тут же рванулись к нему! Не помня себя, я спрыгнул с сарая, схватил лежавшие поблизости вилы и рванул со всех ног к реке. Я мчался, не разбирая дороги, и, увидев впереди, там, где свирепая свора набросилась на Шарика, поднявшееся облако пыли, заорал во все горло, перекрывая своим криком злобное рычание собак.

Я видел, как разъяренные собаки остервенело кидались на несчастного Шарика, который беспомощно метался между ними, не находя пути к спасению. Мужчина кричал, бил псов камчой и пытался отогнать их от Шарика, но те словно взбесились и не обращали на своего хозяина никакого внимания. Слезы градом катились по моим щекам, я боялся за свою собаку, но бежать быстрее не мог, чувствуя, как ноги с каждой минутой будто наливались свинцом. Жалобное поскуливание Шарика болью отзывалось в моей душе, и я готов был в тот момент разорвать мерзких псов в клочья!

Наконец, я добежал до места. Мужчине удалось-таки отогнать своих собак и увести их за собой, но было уже поздно... Помню, как я, плача, что-то сердито крикнул ему вслед, а он, не оборачиваясь, просто развел руками. Я опустил на траву рядом с истекающим кровью Шариком, с горечью осознавая, что уже ничем не могу ему помочь...

ГОРСТЬ ПШЕНИЦЫ

С приходом осени атмосфера в нашем доме всегда становилась какой-то особенно теплой и уютной. Возможно, это было связано и с тем, что домочадцы с наступлением осенней прохлады, стараясь быстрее управиться с дворовыми делами, все больше времени проводили дома. Летняя суета заметно убывала, люди делались спокойнее, добрее и внимательнее друг к другу.

За нашим аулом в предгорьях раскинулся густой живописный лес Сарытайпак. Именно оттуда, с обширных плодородных пастбищ все лето по вечерам в

аул неспешно возвращались тучные стада сытых и довольных коров. За ними на гнедом жеребце, отпустив поводья и дав коню волю, ехал и дремал в седле мой ата.

В прохладные вечера он надевал на голову свой старый малахай, длинные «уши» которого болтались по сторонам, делая малахай похожим на взмахивающую крыльями черную птицу. По утрам склоны холмов накрывал первый осенний иней, похожий на двухдневную небритую щетину моего дедушки. И хотя днем все еще было по-летнему тепло, в воздухе уже ощущалось холодное дыхание наступающей осени. Иногда, втянув носом холодный воздух, ата мог так громко чихнуть, что конь под ним недовольно фыркал, а коровы от испуга прибавляли шаг.

В наших краях осень всегда была довольно холодной и промозглой. И эта промозглость гнала народ в теплые дома, поближе к пышущим веселым жаром печкам! Да и что может сильнее осенней сырости и зимней стужи собрать семью вместе и заставить людей быть ближе друг к другу?

Что интересно, каждый раз, задремав в седле, ата неизменно просыпался, сначала проезжая мимо кладбища, а потом у самого дома. Я не знал, как можно было объяснить эту его особенность. Наверное, секрет удивительного чутья хозяина был известен только его гнедому жеребцу.

Со временем я хорошо изучил повадки моего ата и научился понимать его без лишних слов. Будучи потомками кочевников, мы с ним издавна чуяли аромат вяленого мяса, которое варилось дома в казане на печке. Этот восхитительный, многообещающий запах вкусного ужина сразу поднимал нам настроение и заставлял убыстрять шаг. В эти минуты ата заметно оживлялся и порой весело подшучивал надо мной, и я тоже радовался такому его расположению духа.

Однако, услышав зов невестки, ата совсем не спешил к столу. Он копошился во дворе и делал вид, что чем-то занят. Повесив камчу на гвоздь, вбитый в дверной косяк, он не спеша снимал с головы малахай, несколько раз отряхивал его от дорожной пыли, потом шел в сарай к мешку с пшеном, брал руками горсть, медленно ссыпал его обратно и, потом, поднеся ладони к лицу, с наслаждением вдыхал запах свежесобранного зерна. Этот постоянный странный ритуал был мне непонятен.

– Ата, почему вы все время возитесь во дворе, когда вас зовут ужинать? – спросил я его однажды.

– Эх, если бы меня звала моя старуха, я бы не заставил ее долго ждать... Но не бежать же мне как мальчишке по первому зову невестки. И потом, пусть поволнуется, не сержусь ли я на нее, позовет раз-другой! Надо иногда капризничать, чтоб больше уважали старика! – подмигнул мне он весело.

– Ну и хитрец же вы, ата!

– Разве я не говорил тебе, что хитрые люди не бывают глупыми?

– А почему вы каждый раз берете в руки пшеницу?

– Благодарю ее!

– Кого – пшеницу? Шутите!

– Нет, сынок, не шучу. Я благодарю пшеницу и землю, которая ее родила. Такая горсть зерна когда-то в голодные годы спасала нам жизнь! А в эту сырую землю когда-нибудь и я лягу.

МОЙ СОКРОВЕННЫЙ МИР

Больше всего в детстве я любил бродить под летним дождем, а зимой – задрать голову, подолгу стоять под снегопадом, с интересом наблюдая за причудливым роем сыплющихся с неба снежинок. Вглядываясь в этот бесконечный бело-снежный рой, падающий на лицо холодными мокрыми хлопьями, я представлял себя стремительно летящим сквозь этот восхитительный хаос в таинственную неизвестность, к неведомым мирам. Я не был веселым, жизнерадостным ребенком. В глубине моей души всегда лежала тяжестью какая-то неизбывная тоска, не отпускавшая меня ни на минуту. Люди меня зачастую не понимали, да и я, признаться, тоже не всегда их понимал... С годами я выстроил в своих думах и мечтах свой особенный, не похожий на обычный, мир. В том мире было много хорошего. Все, что трудно было сделать в реальной жизни, легко удавалось в моем воображаемом мире. В нем я был счастлив и удачлив! Но он создавал мне трудности в моей обыденной жизни, потому что часто вступал с ней в противоречие. Тем не менее, при каждой возможности я охотно погружался в свои прекрасные грезы и совсем не спешил покидать место, где мне жилось так легко и радостно! Скажу честно, что и сны мои были какими-то особенными, не похожими на те, о которых рассказывали окружающие. И, должен признаться, с годами во мне мало что изменилось...

Не помню точно, с каких пор, но я стал писать стихи и завел для этого толстую коричневую тетрадь. Об этом знали многие, и в ауле меня даже прозвали Пушкиным. Однажды, набравшись смелости, я даже отправил одно из своих стихотворений в детскую газету «Улан», выходящую тогда в Алматы. Через пару месяцев я получил из редакции письмо. Мою радость невозможно передать словами! Я был так счастлив, будто получил долгожданное письмо от своей матери. В письме было всего несколько строк: «Дорогой Акберен! В твоих стихах есть чувства и душа. Твои мечты большие и смелые, как мечты взрослого человека. Однако твои стихи еще нуждаются в серьезной доработке, и поэтому мы их сейчас напечатать не можем. Тебе надо еще усердно поработать над собой, развивая свое творчество, и мы уверены, что в будущем из тебя выйдет очень хороший поэт! С наилучшими пожеланиями, Султан Калиев».

Какое-то мгновение я стоял столбом, словно меня окатили холодной водой, но потом, придя в себя, дал себе клятву, что обязательно стану известным поэтом и прославлю свое имя!

Прошло несколько лет, и вот уже я, семнадцатилетний юноша, влекомый заветной мечтой, стою на автотрассе, ведущей в столицу республики! Вдалеке появился знакомый желтый пазик, который много лет назад привез меня из Баршатаса в Шубартау. Сейчас он подъедет к остановке, и я отправлюсь покорять не только Алматы, но весь мой необъятный Казахстан!

Перевод с казахского Самал Сокпакбаевой.

